

ВЫСШАЯ РАСА

ДМИТРИЙ
КАЗАКОВ

Высшая раса

Дмитрий Казаков

Высшая раса

«Автор»

2005

Казаков Д. Л.

Высшая раса / Д. Л. Казаков — «Автор», 2005 — (Высшая раса)

ISBN 978-5-699-41833-6

Июль сорок пятого года. Фашистская Германия разгромлена, земли Рейха поделены на зоны оккупации. После шести лет кровавой бойни в Европе воцарился мир. Неожиданно нападению подвергся американский гарнизон австрийского города Линца. Появившиеся из ночи налетчики были одеты в форму СС и одержали убедительную победу. О вспыхнувшем восстании узнали в советской зоне оккупации, но высланный разведывательный отряд во главе с капитаном Радловым оказался захвачен в плен. Капитану Радлову предстоит столкнуться с «оружием возмездия», созданным немецкими оккультистами и учеными, с оружием, что в состоянии возродить погибший, казалось бы, Рейх...

ISBN 978-5-699-41833-6

© Казаков Д. Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Немного о реальности, или вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Казаков

Высшая раса

Немного о реальности, или вместо предисловия

Этот роман был написан в самом начале двадцать первого века из чувства протеста. Тогда писать на тему нацизма в фантастике вдруг стало модно, и один за другим стали появляться тексты, в которых мускулистые белобрысы красавчики в изящной эсэсовской форме спасали мир.

Вот это-то меня и зацепило.

Гитлеровец – главный герой! Каково? И как оному положено – силен, умен, обаятелен, благороден и отважен.

Авторы изо всех сил старались передать читателю образ «хорошего фашиста» и весьма в этом преуспели. При чтении невольно появляются мысли: «А не так уж эти «белокурые бестии» были плохи», «А может, зря мы их так?»

Достаточно странная позиция для людей, чьи предки с этими самыми «бестиями» сражались, и не просто сражались, а победили. И не просто так победили, а ценой гибели многих миллионов.

И как же они, победители, показаны в романах на фашистскую тему? По большому счету – никак. Большинство из авторов, писавших на нацистскую тему, о существовании Советского Союза и его солдат скромно умалчивают. Действие происходит в Западной Европе или в Африке, где «истинные арийцы» совершают подвиги, спасая мир. А Восточный фронт нацистской Германии, где люди ежедневно гибнут сотнями и тысячами, он вроде бы где-то есть, но в стороне, и вообще – не очень важен.

Точно так же мельком говорится о тех «изобретениях» Третьего Рейха, которые могли бы повредить образу «благородных сверхчеловеков». Вроде есть концлагеря, да непонятно где. Может, и убивают людей только за то, что в их жилах течет еврейская кровь, но про это – ни слова...

Такую позицию я принять не могу, хотя прекрасно осознаю все черное очарование гитлеровской идеологии. Да, в этой книге есть нацисты, среди них имеются смелые, умные, в наличии умелые военачальники и опытные бойцы.

Но главными героями, с которыми отождествляет себя читатель, кому он вольно или невольно будет подражать, они не станут. Никогда и ни за что. По каким причинам – тут, мне кажется, пояснять не нужно.

Советские солдаты, о чьем подвиге иногда стыдятся вспоминать, являются главными героями романа. Этой книгой я попытался восстановить допущенную в их отношении несправедливость.

Надеюсь, в какой-то степени мне это удалось.

Посвящается всем, кто сражался против фашизма.

И отдельно – моему деду, Савкину Михаилу Алексеевичу

Глава 1

Тот, кто видит в национал-социализме только социально-политическое явление, не понимает в нем ровным счетом ничего.
Адольф Гитлер, 1933

*Верхняя Австрия, окраина города Линц,
казармы американского гарнизона.
24 июля 1945 года, 4:35 – 5:05*

Австрийская ночь пахла цветами. Ветер приносил пряные и сладкие ароматы с горных лугов, и это лишний раз напоминало о том, что война закончилась. Дым и вонь пороха остались в прошлом.

Были еще, конечно, где-то далеко на востоке упорные самураи, что из последних сил цеплялись за осколки бывшего могущества. Дерутся с ними янки и русские. Но японцы не в счет. Здесь, в Европе, безумный зверь фашизма сдох почти три месяца назад, раздавленный сапогами союзников.

Джонни Сигал, родившийся в Оклахоме и бурями мировой войны занесенный в Европу, вздохнул поглубже и в очередной раз огляделся. И снова убедился, что вокруг пусто и тихо.

– Э-хе-хе, – сказал он и зевнул.

«Нет ничего скучнее участи часового, – подумал Джонни. – Особенно в том случае, если никакой реальной опасности быть не может. А взяться ей здесь, в бывшем Остмарке, просто неоткуда».

Джонни вздохнул, в неизвестно какой раз поправил висевший на плече автомат. Взгляд его невольно двинулся к корпусам казарм, где преспокойно дрыхли собраты по оружию.

В годы войны здесь базировались части вермахта, прибывавшие с Восточного фронта на отдых и переформирование. В том, как были построены здания, угадывалась немецкая страсть к тяжеловесности и аккуратности.

Что-то зашуршало в кустах напротив ворот. Джонни потянул с плеча автомат, и взгляд его стал пристальным, серьезным.

Шорох повторился, на этот раз уже по эту сторону забора. Сигал даже не успел развернуться, как страшной силы удар обрушился ему на затылок. Последнее, что он, валясь, успел рассмотреть, был звездно-полосатый флаг, реявший в начавшем светлеть небе...

Темные фигуры перепрыгивали двухметровый, украшенный колючей проволокой забор с такой легкостью, словно перешагивали невысокий штакетник. В предутреннем сумраке движения их смазывались, но казалось, что двигаются они невероятно быстро.

В тот момент, когда от одной из казарм разнеслась частая дробь очереди, свершилось невозможное – фигуры стали двигаться вдвое быстрее. Солдат, поднявший тревогу, не успел удивиться. Человек, в которого он стрелял, необычным движением поднырнул под очередь и спустя мгновение оказался рядом. Защититься американец не смог...

Нападавшие сновали по базе быстро и бесшумно, как призрачные порождения ночи. Они прекрасно знали расположение зданий и времени не теряли. Большая часть казарм была захвачена в одно мгновение. Трещали крепкие вроде бы двери, и вылетали замки. Тем, кто спал за ними, оставалось только поднять руки.

Американские солдаты, успевшие взять оружие и выбежать из казарм, падали под очередями, заливая асфальт темной жидкостью из пробитых пулями тел, либо попадали под сокрушительные удары прикладов.

Серьезного сопротивления оказать не смог никто. Все завершилось слишком быстро. Несколько очередей, гранатных разрывов – и над казармами повисла настороженная тишина. Молчали мертвые, безмолвны были захватчики, и даже те американские солдаты, которые не успели покинуть казармы, не рисковали вздрагивать под дулами направленных на них автоматов. Словно овцы, они жались друг к другу и никак не могли понять, что такое тут происходит.

Атаковавшие сошлись на плацу. В свете набиравшего силу утра стали различимы их лица, жесткие и суровые, будто выкованные из стали; глаза – одинаково светлые и холодные, как небо над Альпами, и форма – серая, будто волчья шерсть. Проклятая форма войск СС¹.

– Каковы потери? – спросил на чистейшем немецком с берлинским произношением один из людей в сером мундире, тот, у которого на петлицах красовались дубовые листья штандартенфюрера², а на правом плече – серебряный шеврон ветерана НСДАП.

– Нет! – отозвались трое его подчиненных со знаками отличия штурмбаннфюреров³.

– Двое раненых, – добавил один из них тоном ниже.

– Хорошо, – кивнул штандартенфюрер. – А у янки?

После доклада командиров штурмовых групп стало ясно, что убитых американцев около пятидесяти и еще более шестисот человек захвачено в плен. Победителям досталось почти два десятка танков «Шерман», несколько бронетранспортеров и большое количество автомобилей.

– Всех согнать в одно здание, – холодно велел штандартенфюрер. – Человеческий материал нам еще пригодится. Да, и еще, – он взял паузу и посмотрел вверх. – Снимите эту портянку, что болтается на флагштоке...

Джонни Сигал, рядовой американской армии, очнулся от ударов по щекам. Открыв глаза, он решил, что попал в кошмарный сон. Над ним склонилась фигура в серой, хорошо знакомой форме.

Ее Джонни за год в Европе видел не раз и намертво запомнил, что тот, кто носит ее, – беспощадный враг.

– Быстро, – сказал мужчина в эсэсовском мундире, слегка коверкая английскую речь. – Быстро!

Джонни, еще недавно стоявший на часах, продолжал тупо таращиться на человека в сером. Тот, решив не тратить слов, попросту пнул американца по коленке. Сигал взвыл от боли, вскочил, и тут ему под ребра уперся ствол оружия.

Скосив глаза, рядовой увидел штурмовую винтовку знакомого образца, и ее вид и осязаемая материальность стали последним доводом в пользу того, что происходящее вокруг – не сон.

Понукаемый конвоиром, Джонни двинулся через плац. Затылок немилосердно ломило, и он никак не мог сосредоточиться, чтобы попытаться понять – что же все-таки случилось?

Ворота были распахнуты. По территории базы деловито шагали эсэсовцы, и не измученные и подавленные, какими их привыкли видеть в последние месяцы войны, а сильные, уверенные в себе и чисто выбритые.

Один из офицеров что-то делал около флагштока. Когда медленно, рывками, к небу поползло черное знамя с алой свастикой, Джонни понял, что случилось. Он просто сошел с ума – и это все объясняло...

С диким хохотом он повалился на землю, царапая ее скрюченными пальцами. Затем развернулся на спину и принялся смеяться, не слыша окриков конвоира. Эсэсовец поступил с

¹ Черное обмундирование, хорошо знакомое по фильму «Семнадцать мгновений весны», к концу войны ассоциировалось с понятием «тыловая крыса». Боевые части СС носили одежду серого цвета.

² Соответствует армейскому званию полковника.

³ Соответствует майору.

безумцем так, как положено по законам рейха. Рывкнула штурмовая винтовка, и уроженец Оклахомы застыл в нелепой позе, уставившись в небо остекленевшими глазами. На лице его замерла радостная улыбка.

– Сам сделал его падалью, сам и убирай, – равнодушно приказал проходивший мимо оберштурмфюрер⁴.

Конвоиру оставалось лишь взять под козырек.

Солнце взошло, и первые его лучи осветили странную картину. Американские солдаты рыли в австрийской земле братскую могилу для погибших ночью товарищей.

*Верхняя Австрия,
лагерь немецких военнопленных
около города Вельс.*

24 июля 1945 года, 4:35 – 5:25

Три штурмовых группы проникли на территорию лагеря с разных сторон.

Ошеломленная охрана почти не оказала сопротивления.

Люди в эсэсовской форме разоружили немногочисленных часовых. Связанных американцев усадили рядком, и вскоре к ним присоединились сослуживцы, ночевавшие в казарме. Заспанные, они ошеломленно моргали и с ужасом смотрели на тех, кто взял их в плен.

Когда с охраной было покончено, ворота лагеря открылись, и в него въехал помятый серый «Виллис». Водитель, здоровенный громила, вылез и распахнул заднюю дверцу. Из машины выбрался средних лет худощавый эсэсовец в плетеных погонах бригаденфюрера⁵.

Он помог выйти спутнику, совсем пожилому человеку. На его плечах мышинная форма смотрелась как на вешалке, а знаки отличия бригаденфюрера выглядели ненужным украшением.

Несмотря на одинаковый чин, младший относился к пожилому с подчеркнутым почтением. Повинуясь его приказам, забегали рядовые и офицеры, и ожили размещенные американцами по всему лагерю громкоговорители.

В серых утренних сумерках громкоговорители чихнули, и затем из них полилась музыка Вагнера. «Полет Валькирий» на максимальной громкости поплыл над спавшим лагерем, заставляя пленных солдат просыпаться.

Вагнер сменился «Хорстом Весселем»⁶, и тут вскочили с коек и самые ленивые.

Солдаты начали выбираться из палаток, лагерь заполнился оглядывавшимися людьми в форме СС с содранными знаками отличия. Глазам их предстала удивительная картина. Конвоиры, которые, в принципе, не так уж плохо обращались с немцами, сидели связанные, как свиньи перед закланием. А у ворот лагеря, ровно, как на параде, выстроилась шеренга эсэсовцев во главе с двумя генералами.

В лагере содержались люди из разных частей, но те из них, кто в последний год войны служил в третьей танковой дивизии СС «Мертвая голова», узнали в одном из них Хельмута Беккера, командира дивизии. На груди его блестели высшие награды Рейха.

Над лагерем понеслись удивленные крики. Солдаты, не понимавшие, что происходит, все же приветствовали бывшего командира.

Беккер властным жестом воздел руку, призывая к тишине, и толпа смолкла. И тут неожиданно заговорил второй бригаденфюрер, полный носатый старик, стоявший рядом с бывшим командиром дивизии.

Выглядел он дряхлым и слабым, но глаза его горели энергией.

⁴ Старший лейтенант.

⁵ Соответствует генерал-майору.

⁶ Гимн НСДАП (1930–1945). Официальное название – нем. «Horst Wessel Lied».

– Солдаты! – сказал старик, и голос его оказался неожиданно звонок и чист. – Настал великий день. Тот день, когда враги, решившие, что повергли Третий Рейх во прах, будут жестоко наказаны. Тысячелетняя империя восстанет из пепла, словно феникс, и сметет орды, пришедшие с востока и запада!

Толпа молчала. За два с половиной месяца, прошедших с момента капитуляции, большая часть солдат успела отойти от поражения. Но воевать заново, причем против заведомо сильнейшего врага, не хотел никто.

Но оратора это не смутило. Он продолжил:

– Все мы помним, что первый рейх – Священная Римская империя германской нации – почти девятьсот лет объединявший арийцев, рухнул под ударами Наполеона. Второй рейх был основан Отто фон Бисмарком и просуществовал до восемнадцатого года, когда враги навязали нам позорный Веймарский мир! В прошлом мы терпели поражения, но у наших предков не было того, что есть у нас – истинно арийского духа и учения! Предки наши пребывали во тьме, мы же вышли на свет!

Толпа зашевелилась, и что-то с ней произошло. Только что равнодушная и даже противившаяся оратору, она вдруг обрела интерес к его словам. Глаза немецких солдат заблестели, в них появилось внимание, смешанное с обреченностью. Так, наверное, змея смотрит на дудочку факира и не может отвести взгляд.

– Наши предки сражались с врагами во льдах, и только неугасимый огонь арийской веры и сохраняемая чистота расы помогли им выстоять! – оратор понизил голос, и толпа в едином порыве подалась вперед. – Так будем же достойны их! Я верю, что в ваших сердцах горит нордическое пламя! И пусть фюрер мертв, главное – живо семя германской расы, той расы, что призвана властвовать над остальными народами!

Старик замолчал. Он тяжело дышал, бока его вздымались.

– Хайль! – выкрикнул Беккер, не давая паузе затянуться.

– Зиг хайль! – проревели бывшие пленные.

Клич, который американские, английские и советские солдаты сделали, казалось, мертвым навсегда, оказался живым.

– Воины СС, – сказал Беккер, и его голос оказался самым обыкновенным, – с сегодняшнего дня вы включаетесь в беспощадную борьбу с врагами нашей расы, с существами, мнящими себя людьми. Вы вновь призваны на войну. В этой новой войне мы не будем повторять ошибок, которые совершили те, кто привел Третий Рейх к краху и погубил фюрера. Поэтому вам сейчас предстоит пройти проверку чистоты крови. По сравнению с известной вам процедурой она значительно упрощена, и за несколько часов мы управимся. Не волнуйтесь и вставайте в очередь.

– А если я не хочу участвовать в этой войне? – крикнул кто-то из солдат.

Толпа возбужденно загудела.

– Тогда сделай два шага вперед, – сказал Беккер холодно. Рядовой со злыми черными глазами вышел из рядов и с вызовом глянул на офицеров. – Циклер... огонь!

Рывкнула винтовка в руках одного из офицеров, и не желавший воевать солдат упал наземь.

– Еще пацифисты есть? – спросил Беккер. – Вижу, что нет.

Солдаты принялись толкаться, выстраиваясь в длинную колонну. Беккер повернулся к соседу:

– Как вы, товарищ Карл? – спросил он, титулуя старика в традициях внутреннего круга СС. – Справитесь?

– Ничего, – ответил старик, в котором те, кто служил в окружении рейхсфюрера до тридцать девятого года, узнали бы Карла Марию Виллигута, которому англичане дали некогда про-

звище «Распутин Гиммлера». – Силенки, конечно, у меня не те. Но как-нибудь. Помещение подготовили?

Младший из бригаденфюреров махнул рукой, и подбежавший шарфюрер⁷ доложил:

– Комната коменданта готова!

Виллигут подошел к «Виллису», и по его знаку из машины выбрались двое в форме врачей СС. Каждый из них держал в руке небольшой черный чемоданчик. Третий такой же оказался в руках Виллигута, и в сопровождении Беккера все трое направились к зданию, над которым все еще продолжал виться американский флаг.

Нижняя Австрия, контрольный

пункт Советской Армии на дороге Линц – Вена.

24 июля 1945 года, 10:53–11:09

Шум мотора возник на пустынной дороге и заметался среди холмов, порождая причудливое эхо. Солдаты на контрольном пункте недоуменно переглянулись и начали чесать в затылках.

Машины с запада в последние дни появлялись очень редко. Вчерашние союзники, чьи войска стоят на западе, вели себя странно и временами – откровенно недружелюбно.

Один из бойцов перевесил автомат на грудь и встал у шлагбаума, а второй отправился будить лейтенанта, спавшего в домике поста. Храп прервался, и лейтенант, зевая во весь рот и демонстрируя миру великолепный набор зубов, появился на дороге в тот момент, когда из-за поворота, поднимая клубы пыли, вылетел джип.

Колеса с ревом царапнули обочину, и водитель с заметным трудом выровнял машину.

– Что он, пьяный, что ли? – спросил солдат, покосившись на командира.

– Разберемся, – ответил лейтенант и натянул на голову фуражку, намереваясь принять максимально официальный вид.

Джип приблизился и сбросил скорость лишь перед самым шлагбаумом. Машина вильнула и резко встала. Водитель, чей силуэт был виден через запыленное стекло, замер в странной позе, упав на руль. Загудел и смолк клаксон.

– А ну-ка, посмотрим. – Лейтенант поднырнул под шлагбаум и направился к машине. Один из солдат последовал за ним, а второй остался у поста, держа автомат на изготовку и зорко глядя по сторонам. Два с половиной месяца мира не смогли уничтожить привычек, приобретенных за годы боев.

Человек в машине приподнялся, и на советских солдат глянули полные боли глаза.

На левой скуле американца был синяк, а на светлой форме с незнакомыми знаками отличия темнели пятна крови. С изумлением лейтенант понял, что представитель союзной американской армии ранен в грудь.

– Nazi, – сказал американец и закашлялся, тяжело, надрывно. С уголка рта потянулась к подбородку алая струйка.

– Nazi, – пробормотал он вновь и рухнул на руки лейтенанта, успевшего распахнуть дверцу джипа.

– Вот черт! – сказал тот. – Где он тут нацистов нашел? Их же всех перебили!

– Да, но американец ранен, – резонно возразил рядовой, помогая командиру вытащить союзника из машины.

Оказавшись на земле, тот вновь пришел в себя.

– They come... – прохрипел он. – Nazi... Nazi...

– Что он несет? – с любопытством спросил рядовой, глядя на командира.

⁷ Старший сержант.

– Я плохо знаю их язык, – смутился лейтенант. – Но, похоже, что какие-то нацисты напали на них.

– Nazi... – прошептал еще раз американец, и глаза его закрылись.

– Связь со штабом, быстро! – рявкнул лейтенант, оглядываясь в сторону поста. – А двое – ко мне! Уложите союзника куда-нибудь!

Лейтенант оставил раненого на попечение подчиненных, а сам бросился к зданию.

Вскоре изнутри полетели реплики:

– Говорит лейтенант Кучко! На пост прибыл на автомашине раненый офицер армии США! Говорит, что на них напали фашисты.

– Никак нет, товарищ капитан, я не пьян и в своем уме.

– Есть доставить немедленно!

Из домика выскочили солдаты, затарахтел мотор трофейного немецкого мотоцикла «Цюндапп».

Спустя пять минут смертельно раненный, но пока еще дышащий американец лежал в коляске. Сержант Погрядкин, умеющий обращаться с мотоциклом, сидел в седле и выслушивал наставления лейтенанта.

– Вопросы есть? – закончил инструктаж Кучко.

– Нет.

– Выполняйте.

– Есть!

Сержант махнул рукой товарищам, мотоцикл недовольно чихнул и скрылся за поворотом. Некоторое время слышалось тарыхтение мотора, затем стихло, и над постом повисла тишина, почти такая же, что и полчаса назад.

Но напряженными были лица солдат, и сиротливо стоял у шлагбаума джип, на сиденье которого остались неопрятные бурые пятна.

*Верхняя Австрия,
лагерь немецких военнопленных
около города Вельс.
24 июля 1945 года, 11:35–11:47*

Виллигут едва не падал со стула от усталости. Лицо его было попросту серым, и отличный бразильский кофе, обнаруженный на складах американцев, он пил крупными глотками, словно вульгарную бурду из желудей.

Беккер стоял рядом, невозмутимый, как статуя, и ждал.

Он заговорил только в тот момент, когда пожилой бригаденфюрер, десять минут назад закончивший многочасовой напряженный труд, отставил чашку.

– Благодарю за хорошую работу, товарищ, – произнес он, склонив голову. – Почти пятьсот человек. И вам спасибо, герр Шульц и герр Хагер, – последовал поклон в сторону эсэсовских врачей. Те безмолвно поклонились в ответ.

– Да, это было непросто, – усмехнулся Виллигут, вытирая рот платком. – Пятьсот человек. Это с ума сойти!

– И чем можно объяснить столь низкий результат? – спросил Беккер. – Всего одна пятая отборных солдат СС обладают достаточно чистой кровью, чтобы пройти Посвящение. Вы не находите это странным?

– Ничуть, – Виллигут вновь усмехнулся. – Это доказывает, что система проверки чистоты крови, которая существовала в Третьем Рейхе, несовершенна. Именно по этой причине он и погиб. Кроме того, вспомните, сколько народов проходило по территории Германии за последние три тысячи лет, и не все из них были арийцами. Так что это все естественно.

– Что же, определенная логика в ваших словах есть, – задумчиво проговорил бывший командир дивизии «Мертвая голова». – Но что будем делать с теми, кто не прошел проверку?

– Странные вопросы вы задаете, товарищ Хельмут, – «Распутин Гиммлера» смотрел жестко, улыбка его куда-то подевалась. – Пушечное мясо нам очень нужно. Кто-то должен водить грузовики, рыть окопы и заниматься прочей ерундой? Так что и обычным солдатам место найдется.

– Да, верно, – кивнул Беккер, но на лице его не отразилось никаких эмоций.

– Я бы выпил еще кофе, – пробормотал Виллигут в пространство, но тут же замолк, прислушиваясь.

Нарастал, приближаясь, шум моторов.

– А вот и грузовики, – заметил Беккер. – Сейчас повезем тех, кого отобрали, в замок.

– Очень хорошо, – Виллигут с кряхтением поднялся. – Пожалуй, мы отправимся с вами.

Без излишней суеты офицеры покинули помещение. В знойной голубой высоте не было уродливого сплетения звезд и полос. Там горделиво реяло черно-бело-красное знамя Третьего Рейха.

*Нижняя Австрия, город Вена,
военная комендатура Советской Армии.
24 июля 1945 года, 17:21–18:00*

В здании комендатуры было душно. Совсем не австрийская жара стояла над Веной, напоминая о знойном приволжском лете. Но как далеко оно, то лето, и сколько еще до него возвращаться...

Петр вздохнул, прогнал сторонние мысли и четким строевым шагом вошел в кабинет военного коменданта Вены.

– Товарищ генерал-лейтенант, капитан Радлов по вашему приказанию прибыл! – отчетливо он, приложив руку к фуражке.

О причинах вызова Петр, занимавший в гарнизонной разведке довольно скромный пост, мог только гадать.

– Присаживайтесь, капитан, – ответил генерал-лейтенант Благодатов мягко. На круглом его лице появилась улыбка, чуть более теплая, чем обычно, давая знающему человеку понять, что командир, прошедший Отечественную войну от первого до последнего дня, доволен. Генерал относился к Радлову с симпатией, хотя никому, даже самому себе, в этом не признался бы.

Петр сел.

Генерал принялся ходить по кабинету, и на лице его сквозь обычную спокойную уверенность проступала непонятная нерешительность. Ее не было на этом лице ни в первые страшные дни войны, ни на Курской дуге, ни при штурме Будапешта.

А вот теперь появилась.

Заметив ее, Петр ощутил, что удивлен.

Наконец Благодатов перестал мерить шагами не такой уж большой кабинет и заговорил:

– Товарищ капитан, извольте выслушать приказ, – тут голос бывшего заместителя командира пятьдесят седьмой армии дал трещину. – Но сначала я должен сообщить вам некоторую информацию.

Петр продолжал сидеть молча, удивление становилось все сильнее.

– Случилось нечто странное, – проговорил генерал-лейтенант и криво усмехнулся. – На наш пост, тот, который по дороге на Линц, приехал раненый американский офицер на джипе. Пока не потерял сознание, успел сказать про нападение нацистов.

– Что? – не выдержал Петр. – Каких нацистов? Не может быть!

– И я так думаю, – комендант вновь принялся ходить, и сапоги его глухо стучали по обтянутому зеленым ковром полу. – Но офицер армии США, прибывший к нам, судя по всему, с

американского контрольно-пропускного пункта, – такой факт, от которого просто так не отмахнешься.

– А нет возможности расспросить американца?

– Пока его привезли, он умер, – Благодатов вздохнул, лицо его помрачнело. – Так что он больше ничего не расскажет. Мы попытались связаться с американским командованием по телефону, но связи с Западной Австрией нет, словно кто-то уничтожил провода. Есть, конечно, возможность, что это провокация, но зачем она нужна – непонятно. О том, что случилось, я доложил Коневу⁸. Он приказал провести разведку.

– Неясно еще, почему этот американец к нам поехал, а не к своим, на север или запад? – с недоумением спросил Петр. – Может, все же провокация?

– Вполне вероятно, – кивнул комендант. – Да только не похоже. Если действительно напали немцы, то они как раз все дороги перекрыли. Кроме той, что на восток. Никто не мог знать, что янки бросится к нам за помощью.

Наступила пауза. Капитан переваривал полученную информацию, а генерал смотрел в окно, на свежую июльскую зелень, из которой доносилось счастливое птичье пение. За деревьями шумела Рингштрассе, а под окнами кто-то громко матерился, поминая матушку некоего сержанта.

Но даже это не портило мирного настроения.

– Но это все теория, – Благодатов отвернулся от окна, и лицо его стало жестким, решительным. – А практика в том, что для проведения разведывательных мероприятий привлекается ваша разведгруппа, товарищ капитан!

– Но я не успею собрать разведгруппу сегодня, – сказал Петр.

– Никто тебя не торопит, – пожал плечами комендант. – На подготовку есть ночь. Двигаетесь на рассвете. Дорогу на Линц ты ведь знаешь?

– Так точно, – ответил капитан. – Ездил туда в начале июня, когда союзники нам фашистских прихвостней – белоказаков выдавали.

– Двигайтесь осторожно, стреляйте только в случае нападения, – Благодатов говорил спокойно, но в голосе его чувствовалось напряжение. – Не мне тебя учить. Но будь готов к тому, что произошло недоразумение и никаких фашистов ты не встретишь. И тогда тебе придется разбираться с союзниками.

– Ясно, – Петр кивнул. – Разберусь.

– Сам знаешь, что отношения у нас с ними сейчас не очень, да и конференция в Берлине идет⁹. Так что будь максимально осторожен. Если что выйдет не так, американцы сразу трубят об этом на всю Европу, и мы с тобой можем угодить под трибунал. Это пугает меня больше, чем вероятное появление шайки недобитых фрицев. Задача ясна?

Петр встал, понимая, что разговор окончен.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

– Машины вам дадут, я уже распорядился. Так что – выполняйте!

– Есть!

Козырнув, капитан Петр Радлов покинул кабинет коменданта.

*Нижняя Австрия, контрольный
пункт Советской Армии на дороге Линц – Вена.
25 июля 1945 года, 7:43 – 7:55*

⁸ В июле 1945 года – верховный комиссар по Австрии и глава Центральной группировки войск СССР в Европе.

⁹ Имеется в виду Потсдамская конференция, которая началась 17 июля.

Шлагбаум поднимался невыносимо медленно. Солдат, тянувший за веревку, двигался, точно сонная муха, и Петру, который ночью практически не спал, хотелось прикрикнуть на него.

Роса блестела на траве, и утренний холодок заставлял забыть о том, что вчерашний день был очень жарким. Но Альпы рядом, и на юго-западе видны вершины, сверкающие в лучах восходящего солнца.

Их холодное дыхание здесь, в Австрии, ощущается почти всегда.

Грузовик, в кабине которого сидел Радлов, взревел мотором и переполз за шлагбаум, попав таким образом из советской зоны оккупации в американскую. Капитан слышал, что союзники предлагали разделить и Вену на зоны ответственности, как это было сделано в Берлине. Но пока до этого дело не дошло.

Петр крикнул шоферу, приказывая остановиться.

Радлов выскочил из машины и, разминая на ходу затекшие ноги, двинулся к джипу, который солдаты с поста вытолкали к обочине. На сиденье темнели хорошо знакомые бурые кляксы, один из бортов американской машины был располосован очередью. Пахло от джипа почему-то гарью.

Из кузова грузовика выпрыгнул лейтенант Михайлин, двинулся вслед за командиром. «ППШ» на его могучей фигуре смотрелся, как игрушка, и капитан всегда изумлялся, как ловко лейтенант с ним обращается.

– Что скажешь, Миша? – спросил он, ковыряя пальцем дырку в желто-зеленом металле борта.

– А чего скажу, – прогудел Михайлин, присаживаясь на корточки. – Свежее отверстие. Пулемет или автомат какой.

– Значит, по этой машине стреляли? – спросил капитан задумчиво.

– Ага, так и есть, – вздохнул лейтенант. – Похоже, что какие-то фашистские недобитки спустились с гор. Там ведь целую дивизию можно спрятать, если запасы жратвы имеются.

– Так чего же тогда американцы сами с ними не справились? – спросил Петр. Привычка размышлять вслух в компании Михайлина появилась давно, еще на Курской дуге, когда тот был ниже званием, да и сам Петр не носил погон капитана. Частенько эти беседы приводили к неожиданным выводам и нестандартным решениям.

– А вот это непонятно, – лейтенант озадаченно почесал в затылке, а на лице его отразилось недоумение. – Хотя из американцев какие вояки? Их под Арденнами чуть приложили, они и драпали почти до Парижа.

– Все равно, что-то здесь не так, – покачал головой Петр. – Ладно, поехали...

Капитан махнул рукой солдатам у поста и поспешил к грузовику. Судя по карте, на машине можно будет одолеть еще десяток километров. Дальше придется топтать на своих двоих.

Тихо и аккуратно, чтобы ни в коем случае не потревожить союзников.

*Нижняя Австрия, дорога Линц – Вена,
окрестности города Амштеттен.
25 июля 1945 года, 10:15–10:45*

Усиленная разведгруппа численностью в полтора десятка человек шагала по обочине. Справа серела великолепная дорога, одна из тех, что были построены по всему рейху в годы правления Гитлера. Дорога извивалась, а по сторонам виднелись холмы, поросшие негустым лесом.

Ветер доносил запах листвы. Пейзаж дышал миром и покоем.

Остался позади контрольно-пропускной пост американцев со следами недавнего боя. Отстрелянные гильзы, следы от патронов и автомобилей. На янки действительно напали и истребили – быстро и безжалостно. Вот только кто?

Петр не тратил время на бесплодные размышления. Он вел группу и внимательно следил за ориентирами, и когда дорога начала загибаться вправо, на север, командовал «Стой!».

Радлов развернулся к солдатам, похожим на близнецов в одинаково полинявших под дождями и солнцем гимнастерках и пилотках без знаков различия. Бойцы собрались вокруг командира, доставшего планшет с картой.

– Всем – внимание, – сказал Петр громко. – Проводим предварительную разведку ситуации в городе, что лежит километром западнее, – палец капитана поелозил по карте, отмечая место. – Туда мы пойдем вдвоем, я и Сергеев. Остальные – прикрывают. Огонь открывать только в самом крайнем случае, при непосредственной угрозе жизни. Все ясно?

– Так точно, товарищ капитан! – хором ответили бойцы.

Петр отдал автомат Михайлину, переоделся в гражданскую одежду. Точно так же поступил и идущий с ним боец.

В темных брюках и светлых рубахах они походили на обычных австрийков. Разве что те не носят в карманах пистолеты.

– Готов? – спросил Петр у Сергеева – сухощавого белобрысого бойца.

– Готов, – ответил тот, и они пошли.

Под ногами шелестела трава, над головой шуршали листья. Буки и дубы стояли толстые, мощные, словно коричневые морщинистые утесы. Вокруг них царил мощный аромат желудей, и их блестящие тельца во множестве лежали на земле.

Из леса выбрались на дорогу и уже вдвоем отправились к городу.

Вскоре стала видна восточная окраина Амштеттена. И вид ее радовал глаз. Над аккуратными одинаковыми домиками с красными крышами висели обычные звуки мирной жизни – тарахтел трактор, мычали коровы. По улицам двигались люди. Не было заметно никаких признаков беспокойства.

– Вроде тихо, – сказал Сергеев.

– Ладно, посмотрим поближе, что значит эта тишина, – пробормотал Петр, и они зашагали к городу.

Руку Радлов держал в кармане, на пистолете, и очень внимательно смотрел по сторонам.

Когда они с Сергеевым оказались на пустынной улочке, под прикрытием домов, капитан облегченно вздохнул. Петр огляделся, а затем попросту подошел к двери одного из домов и постучал. Открыли ему сразу. На пороге появилась молодая розовощекая женщина в скромном синем платье.

– Добрый день, – поздоровался капитан.

– Здравствуйте, – отозвалась хозяйка несколько изумленно. – Что вам угодно?

– Не будет ли у вас воды? А то сами видите, какая жара. Идем с самого утра, и жажда такая, что сил нет.

Женщина скрылась, затем появилась опять, с небольшим кувшином в руках.

Петр сделал несколько глотков, затем отдал кувшин Сергееву.

– Спасибо, – кивнул капитан. – Как у вас тут дела?

– А ничего, все тихо, – улыбнулась молодая австриячка. – А вы что забыли в нашем захолустье?

– Идем на запад, к родственникам, – он говорил спокойно, расслабленно, а мозг в это время работал, анализируя поступающую информацию: звуки, выражение лица открывшей дверь женщины...

Несмотря на это, Радлов отметил, что у собеседницы очень привлекательная фигура, яркие голубые глаза и золотистые волосы.

– А на контрольно-пропускном пункте нас не встретили, как обещали, – сказал он, – да и пост сам словно куда-то делся. Вы не знаете, что случилось?

– Нет, не знаю, – женщина помотала головой, и на лице ее появилась кокетливая улыбка. – Но вчера, говорят, у поста стрельба была. А у нас тихо, даже ведь американских солдат нет.

Сожаление послышалось в ее голосе. Петр его вполне понимал. Хоть американцы, чужаки, так и все равно – молодые и сильные мужчины. Таких сейчас в Австрии, да и в Германии, среди местных не сыскать.

– Как вас зовут? – повинувшись неясному импульсу, спросил Петр.

– Эльза, – ответила женщина. – Может, зайдете?

– Спасибо, – сказал он со вздохом. – Но мы должны идти. Всего хорошего.

– До свидания, – сказала женщина ему в спину. Петр ощущал ее взгляд, и от него ползли горячие мурашки.

Капитан с рядовым без происшествий вернулись к своим, и разведгруппа зашагала дальше.

Амштеттен обходили, укрываясь в лесу. Петр шагал во главе солдат и ощущал, что им владеют двойные чувства.

С одной стороны – разведка должна быть скрытной. А с другой – так привык, что можно проехать по центральной улице, чтобы жители улыбались, дети что-то радостно кричали, а мужчины вежливо снимали шляпы. Как еще весной, когда в каждом городе, австрийском, чешском или югославском, советских солдат встречали цветами...

Верхняя Австрия,

дорога Линц – Вена – замок Шаунберг.

25 июля 1945 года, 11:29–13:52

– И как ты думаешь, кто там стрелял? – спросил Петр у Михайлина.

Разведчики сидели в тени огромного дуба и обедали. Солнце палило, и даже в тени листвы было жарко.

– А говорили, что у фрицев в горах какие-то специальные части спрятаны. Вроде как последняя надежда Гитлера, – степенно ответил лейтенант.

– Может быть, – Петр улыбнулся. – Да только это маловероятно. Но даже если это так, на что они рассчитывают? Единственный шанс для немцев – американцам сдаться. Те, как я слышал, хорошо с пленными фашистами обходятся, даже оружие не отбирают.

– У, союзнички, – скривился Михайлин. – Толку от них! Просидели всю войну в Америке своей, а как поняли, что мы и без них справимся, примчались. Тьфу! Говорить противно.

– Это ты точно сказал, – усмехнулся Петр и привстал, собираясь позвать радиста. Пришло время связаться со штабом.

Но не успел капитан открыть рот, как с ближайшего холма, там, где должен был быть один из постов, донесся грохот выстрела. Разведчики, только что расслабленно возлежавшие на травке, повскакали на ноги.

– Залечь! – скомандовал Радлов, и тут уловил шорох за спиной.

Начал поворачиваться, но в голове что-то словно взорвалось...

Очнувшись, Петр не сразу понял, где находится: он сидел в неудобной позе, и что-то мешало двигаться. До слуха доносились стоны. Открыв глаза, он обнаружил, что сидит, прислоненный к стволу дуба, а, подергав руками, понял, что связан. Стонал сидевший рядом боец.

По другую сторону от капитана обнаружился Михайлин с огромным синяком на левой скуле. Серые глаза лейтенанта выражали безмерное удивление, и вообще он казался ошарашенным.

– Ты жив, капитан? – спросил лейтенант.

– Не уверен, – кривясь, отозвался Петр. Болело все тело, и особенно – затылок. – А ты чего какой ошалелый?

– Да так, – пожал могучими плечами Михайлин. – Просто никогда не видел, чтобы люди так быстро двигались.

– Какие люди?

– Да фрицы эти, – лейтенант мотнул головой, и только тут капитан обратил внимание на замершего неподалеку часового в серой форме СС. Больше эсэсовцев видно не было.

– И что они?

– А то, что они от пуль уклонялись. Словно от кирпичей, – проговорил Михайлин, и в словах его прозвучало потрясение. – И не успели мы очухаться, а они уже рядом. Я в одного выстрелил, да не попал. Представляешь, командир?

– Ничего себе, – Петр покачал головой.

Чтобы Михайлин промахнулся – такие случаи за войну можно было пересчитать по пальцам одной руки.

– И треснул он меня так, что я на ногах не устоял, – тон лейтенанта сделался печальным. – Старею, видать.

Михайлин был первым кулачным бойцом дивизии, и повалить его смог бы только настоящий силач.

Донеслась немецкая речь, и перед пленными появились трое офицеров. Выглядели они до странности одинаковыми, словно братья. Светлые холодные глаза и неподвижные, точно замороженные, лица. Окантовка фуражек, к удивлению разведчиков, оказалась темно-зеленой, словно у кадровых офицерских частей, которые были расформированы еще в сорок втором. Оповестительных знаков, говорящих о принадлежности к части, на форме не имелось вовсе, а сами мундиры были новенькими, только со склада.

Некоторое время офицеры без особого интереса разглядывали пленников, затем старший, с тремя звездами и двумя полосами на петлице¹⁰, сказал:

– Что же, арманы¹¹ хотели узнать о русских. Теперь у них есть у кого спросить.

Двое младших офицеров улыбнулись.

Подбежал солдат и вскинул руку в нацистском приветствии:

– Машина будет через полчаса, герр оберштурмфюрер!

– Хорошо, – кивнул тот. – Вы пока свободны. А вы, Генрих, – он повернулся к соседу, – выдайте пленным лопаты, пусть захоронят своих мертвых. Нечего оставлять падаль.

– Есть, – склонил голову Генрих.

Двое офицеров ушли, а третий принялся отдавать приказы. Из-за машины появилось около десятка автоматчиков. Под дулами «МП-43» пленным развязали руки и выдали короткие саперные лопаты.

Генрих, со знаками отличия унтерштурмфюрера¹², принялся жестами объяснять пленным, что им надо делать. До выразительности южных народов, что могут обходиться вообще без слов, ему было далеко.

– Не трудитесь, – прервал мучения немецкого офицера Петр. – Я понял, чего вы хотите.

– О, вы знаете немецкий? – Генрих посмотрел на русского с удивлением, словно на говорящую обезьяну. – Это хорошо. Тогда за работу.

Погибло не так много народу, как ожидал капитан. Всего трое. Остальные попали в плен. Но мучительно больно было хоронить тех, с кем ты вчера еще разговаривал и сидел за одним столом. Тех, кто погиб, когда война уже давно закончилась. Петр скрипел зубами, мрачнел и думал, что с большим удовольствием швырнул бы лопату в лицо ближайшему конвоиру.

¹⁰ Знаки отличия оберштурмфюрера.

¹¹ Каста правителей и жрецов древних германцев, термин предложен Гвидо фон Листом.

¹² Лейтенанта.

Один из солдат не выдержал. С яростным ревом он бросился на немца. Тот увернулся от лопаты, с непостижимой быстротой ударил бунтовщика прикладом. Хлопнул выстрел, и у похоронной команды прибавилось работы.

Тела засыпали землей, разведчикам вновь связали руки и повели к лежавшей в паре километров на север дороге. Когда они вышли к серой широкой ленте, раздался рев мотора, и из-за пригорка вынырнул трехосный американский «Студебеккер». Шурша колесами по асфальту, он развернулся, и пленных начали загонять в открытый кузов. Когда загрузили всех, туда же забрались несколько немцев.

Машина тронулась.

Кузов немилосердно болтало, и пленников, лишенных возможности держаться, бросало друг на друга. На лицах немцев, что созерцали эту картину, не отражалось ни беспокойства, ни улыбки.

Проехали Иннс и свернули на север. Затем справа показался Дунай, и некоторое время грузовик ехал в компании с одной из самых длинных рек Европы. При подъезде к Линцу навстречу попала колонна из нескольких танков, на которых поверх американских опознавательных знаков были намалеваны черные свастики. Проводив направлявшиеся на восток «Шерманы» удивленным взглядом, Петр вынужден был признать, что положение очень серьезное. Похоже, американская оккупационная администрация потеряла контроль над значительной территорией.

К удивлению капитана, машина миновала Линц без остановки. Мелькнула и пропала стоящая на горе церковь с двумя башенками – опознавательный знак города, а «Студебеккер» с сердитым гудением повернул на запад, в сторону Вельса.

Через полчаса последовал еще поворот, на этот раз на северо-запад, и под колесами вместо асфальта оказался обычный грунт. Замелькали по сторонам поросшие лиственным лесом холмы, и вонь выхлопов смешалась с ароматом сырой земли.

После примерно часа тряски из-за холмов показались мощные башни, а затем стало видно и их основание – могучий замок, выстроенный, похоже, еще в те времена, когда через эти места проходили крестоносцы.

На добрый десяток метров возносились замшелые, но вовсе не казавшиеся дряхлыми стены. Мрачно смотрели узкие бойницы. У ворот стояли солдаты СС в касках и с оружием, над центральной башней величественно реяло алое знамя с белым кругом в центре, внутри которого словно бежала черная свастика.

Заскрипели открываемые ворота, пахнуло жаром от нагретых на солнце стальных створок. Колеса грузовика зашуршали, и распахнувшиеся ворота замка проглотили машину с плененными разведчиками.

Глава 2

Сегодня рождается новая вера – миф крови. Соединив веру и кровь, мы отстаиваем божественную природу человека, его целостность. Нордическая кровь и есть та материя, которая должна заменить и преодолеть все старые таинства.
Альфред Розенберг, 1930

*Верхняя Австрия, замок Шаунберг.
25 июля 1945 года, 13:55–14:10*

Пахло во дворе замка камнем. Трава, некогда росшая тут, судя по всему, была вытоптана совсем недавно. Обширное пространство между стенами и собственно замком было почти пусто, лишь слева у стены виднелось нечто вроде гаража. На стенах сверкали каски часовых.

Пленников выгрузили из машины и построили в ряд. Сопровождавший их офицер, тот самый унтерштурмфюрер Генрих, поспешил к одному из входов в центральное здание. Хлопнула дверь, и он скрылся в недрах здания, представлявшего собой воплощенный в реальность кошмар архитектора.

Служившая основой башня, темная и угрюмая, словно горелый пень высотой в несколько десятков метров, возведена была, скорее всего, вместе со стенами. За прошедшие столетия многочисленные хозяева замка постоянно к ней что-то пристраивали. Левое крыло носило на себе отпечаток позднего Средневековья, правое – говорило о временах Возрождения.

Петр пригляделся и понял, что толстые стены главной башни с трудом удалось бы пробить и из пушки. А ведь наверняка, как в любом уважающем себя замке, тут должны быть и подземелья, и секретный ход, ведущий далеко в сторону.

Вновь хлопнула дверь, и перед пленниками появился Генрих. Вместе с ним пришел офицер более высокого ранга. Лицо его было морщинистым, как печеное яблоко, но фигура – плотной и мускулистой, словно у борца. Он смотрел на пленников с интересом и явно был доволен.

– Очень хорошо, – сказал новый офицер, закончив беглый осмотр. – Мы хотели получить информацию о войсках русских. Теперь добыть ее – дело техники. Спасибо вам.

– Хайль! – вскинул руку унтерштурмфюрер.

– Сейчас возвращайтесь к своему подразделению, – продолжил старший офицер. – И передайте мою благодарность оберштурмфюреру Баллеру. Пусть продолжает выполнение возложенной на него задачи.

Генрих козырнул и побежал к машине. Мотор зарычал, и «Студебеккер», оставляя вонючий хвост выхлопа, выехал с замкового двора.

Пожилой нацист еще раз осмотрел пленников и махнул рукой солдатам:

– В подвал номер пять.

Петра грубо толкнули в спину, хриплый голос над ухом рявкнул «Шнель!».

Оставалось только переставлять ноги и стараться не упасть.

Разведчиков повели куда-то в сторону левого крыла. В его торце обнаружилась небольшая дверца, охраняемая парой часовых. Затем последовал длинный извилистый коридор, закончившийся, судя по сырости и прохладе, в старой башне. Здесь свернули в совершенно незаметный закуток, где отперли еще одну дверь – стальную, тяжелую. За ней начался спуск по крутой винтовой лестнице.

На одном из поворотов Петр поскользнулся и рассадил коленку о камни. Зашипел сквозь зубы.

Внизу лестницы оказалась площадка, освещенная тусклой лампочкой. Пахло тут мышами. За столом сидели двое нацистов в черной форме с нашивками сержантов. При появлении пленников они вскочили.

– В пятый, – сказал офицер, возглавлявший конвой.

Один из черных кивнул и принялся открывать огромным ключом замок, запиравший решетчатую дверь. Пока упрямый механизм скрежетал и стонал, не желая поддаваться, Петр успел рассмотреть, что закрытых решетками выходов здесь пять, плюс еще лестница наверх, по которой и привели пленников.

Дверь открылась, и разведчиков повели по совершенно темному коридору. Издалека доносилось едва слышное шуршание, и было очень сыро. Влага оседала на лицах противным скользким налетом, и стереть ее не было никакой возможности.

Наконец шедший впереди солдат остановился и поднял фонарь повыше. Тот же сержант, что открывал предыдущую дверь, возник рядом с ним и загрохотал огромным засовом. Массивная стальная дверь со страшным скрипом открылась, и в коридор пахнуло запахом нечистот.

Понукаемые пинками, пленники один за другим проходили в дверь. Когда настала очередь Петра, его ударили столь сильно, что он пробежал несколько шагов и, не устояв на ногах, упал. Как выяснилось, лицом прямо в стену. Перед глазами вспыхнули искры, а лоб, казалось, треснул.

Чертыхнувшись, капитан со стоном повалился на сырой и холодный пол.

*Зальцбургерланд, город Зальцбург,
штаб американских войск в Австрии.
25 июля 1945 года, 14:21–14:45*

Очереди безжалостно полосовали здание штаба снаружи и изнутри, слышались разрывы гранат, яростные вопли. Ответная стрельба звучала все тише. Генерал Паттон, недавно мнивший себя хозяином северо-западной части Австрии, пребывал в полном расстройстве.

Его неприятности начались с того, что вчера прервалась связь с комендатурами Линца и Вельса. Затем появилась информация о каких-то немецких частях, нападающих на американцев. Как любой здравомыслящий человек, генерал Паттон не поверил в подобную чушь.

И за это поплатился. Когда утром в штабе раздался звонок и взволнованный офицер с военной базы в Бергхейме, северном пригороде Зальцбурга, сообщил о том, что их атакуют, генерал, прошедший высадку в Нормандии, Арденны и Рурскую операцию, растерялся. Пока решал, что делать, связь с базой прервалась, а вскоре отряды эсэсовцев заметили и в самом городе.

Посланные им навстречу части были быстро разбиты.

Как сказал один из немногих выживших, американские солдаты не стали стрелять по танкам «Шерман». Когда те появились на фланге, пехотинцы приняли их за свои. А боевые машины спокойно подъехали вплотную и в два залпа разметали позицию оборонявшихся. И почти сразу последовала стремительная лобовая атака.

И очень много солдат сорок пятого пехотного полка США стали трупами.

Выживший говорил что-то о сверхъестественной скорости нападавших и точности их стрельбы. Паттон тогда отмахнулся от этих слов, приняв за фантазии испуганного солдата. К полудню генерал оказался заперт в штабе, а под рукой у него осталось несколько сот бойцов, не понимавших, что происходит, и поэтому сильно деморализованных.

Вскоре наблюдатель доложил о том, что на юго-западе видны клубы дыма и с той стороны доносится грохот взрывов. «Аэродром, – в ужасе подумал генерал. – Эти сволочи добрались до аэродрома!»

И почти сразу начался обстрел. Нацисты били по зданию штаба из всего, что у них было, – из пулеметов, танковых орудий. Слышался визг падавших мин и глухие хлопки разрывов.

После двадцатиминутной артподготовки штурмующие пошли в атаку. Как-то очень быстро смяли первую линию обороны и теперь потихоньку подбирались к самому Патону. Тот сидел в кабинете, под большим портретом Трумэна, и никак не мог понять, что ему делать? Как оказалось, обороняться солдаты США, привыкшие наступать на более слабого противника, умеют не очень хорошо.

Что-то тяжело ухнуло в коридоре, и раздались крики. Еще удар, и дверь с треском рухнула внутрь.

Генерал дернулся и неловко полез рукой в кобуру.

В коридоре грохали сапоги, слышалась чужая речь. Паттон торопился, опасаясь не успеть, но проклятый пистолет не желал вылезать. Словно неожиданно оброс уступами и углами, которыми нарочно цеплялся за скрипевшую кожу.

В дверном проеме появились люди в серой форме. Передний держал в руках пулемет «МГ», легко, словно перышко, хотя весу в том больше сотни фунтов¹³. Мундир немца был забрызган багровым, а глаза, прозрачные, словно вода горного ручья, смотрели жестко.

Но генерал не стал ждать, пока враг что-либо предпримет. Он неловко вставил ствол пистолета в рот и нажал на спусковой крючок.

Разочарованных возгласов он уже не услышал.

*Нижняя Австрия, город Вена,
военный комиссариат
Советской Армии по Австрии.
25 июля 1945 года, 16:53–17:11*

– Разрешите доложить, товарищ маршал!

– Разрешаю, – ответил Конев несколько удивленно. Уж очень серьезное лицо было у генерал-лейтенанта Благодатова. Напряженное и даже немного испуганное. И это казалось странным.

– Садись, Алексей Васильевич, – добавил маршал. – Что стряслось-то?

– Связь с разведгруппой, отправленной в район Амштеттена, потеряна, – мрачно сказал комендант Вены, присаживаясь на самый краешек стула.

– Когда? – маршал Конев, освободитель Праги, дважды Герой Советского Союза, откинулся на спинку кресла и с интересом посмотрел на подчиненного.

– Три часа назад, – сказал генерал-лейтенант.

– Выходит, что они погибли или захвачены в плен? – широкое волевое лицо маршала стало хмурым.

– Так точно, – кивнул генерал.

– Такой результат разведки – тоже результат, – сказал Конев. – Надеюсь, что приказ об усилении караульной службы на границе отдан?

– Так точно.

Маршал огладил себя по гладкой и блестящей, словно бильярдный шар, голове.

– Похоже, что у американцев крупные неприятности, – тон комиссара был угрюм. – И эта конференция в Потсдаме так некстати! Союзники давят на нас, требуя восстановления самостоятельной Германии, и отношения наши с американцами сейчас совсем не те, что в мае. И лезть в их зону оккупации очень не хочется.

Благодатов молчал, давая командиру возможность выговориться. Круглые очки его блестя, не давая увидеть глаза.

¹³ 33 килограмма.

– Ладно, – сказал маршал после некоторого размышления. – Сегодня надо провести авиаразведку. На Венском аэродроме есть разведывательные самолеты, так что организуйте. О результатах – немедленно доложить. Задача ясна?

– Так точно! – генерал встал. – Разрешите идти?

– Идите.

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

25 июля 1945 года, 19:22–19:58

Петр дремал, пытаясь хоть как-то восстановить силы. Лежать на вонючем и холодном полу было противно, так что приходилось сидеть, привалившись к стене. В этой позе Радлов провел не один час. Проснулся, когда раздался громкий скрип. Дверь открылась, и из-за нее в подземелье ударил свет, показавшийся после тьмы до невозможности ярким.

Кое-кто из пленников застонал.

Вошли двое солдат и офицер с фонарем.

– Кто здесь командир? – спросил старший нацист на хорошем русском. Ответом было угрюмое молчание.

– Ладно, – проговорил эсэсовец, водя фонарем по лицам разведчиков. – Тогда я буду убивать вас по одному, пока командир не отыщется.

Он вытащил из кобуры «вальтер» и медленно поднял руку.

– Я командир, – сказал Петр хмуро и встал. Ушибленное колено отозвалось болью, и он едва не свалился.

– Очень хорошо, – офицер спрятал пистолет. – Следуйте за мной.

Капитан выбрался в коридор, и его затхлый сырой воздух показался свежим по сравнению с ароматами подвала, где держали пленников. Добрались до островка света с дубовым столом, но наверх подниматься не стали. Грохнула отпираемая решетка, и под ногами зашуршали камни другого коридора. Тут было гораздо суше, откуда-то издалека доносился глухой гул.

В свете фонарей по сторонам проплывали массивные двери, одна за другой.

У пятой по счету конвой остановился. Дверь бесшумно открылась, и пленника ввели в большую, площадью метров в двадцать, комнату. У одной из стен стояло стальное кресло с зажимами для головы, рук и ног. Напротив него располагался целый ряд сидений, намного комфортабельнее первого. Пахло, к удивлению капитана, лавандой. Но сквозь цветочный аромат пробивались гораздо менее приятные запахи – крови, пота, рвоты...

Радлову развязали руки, затем втиснули в кресло, на запястьях и щиколотках защелкнулись холодные зажимы. Лента из толстой кожи обвилась вокруг лба. Теперь разведчик не мог пошевелиться.

Солдаты отошли и встали у стены, офицер расположился рядом с пленником. В дверь вошел тот самый морщинистый, что встречал грузовик во дворе. Теперь Петр разглядел, что на его мундире знаки отличия бригаденфюрера. За ним мягким шагом скользнул невысокий человечек в странных одеждах, похожих на женские. Ростом он был Радлову до подбородка, а на раскосом смуглом лице застыла какая-то неживая улыбка.

– Хайль! – вскинул руку офицер, приведший пленника. – Все готово для допроса!

– Начинайте, – устало махнул рукой морщинистый и уселся в одно из мягких кресел.

Узкоглазый подошел к Петру и встал немного сбоку, а офицер обратился к пленнику по-русски:

– Нас интересует количество и расположение войск в Вене и окрестностях, наличие танков и самолетов, фамилии командиров и комиссаров. Отвечай лучше сам, иначе тебе будет очень плохо.

Петр молчал.

Офицер пожал плечами:

– Хорошо, первый вопрос – твое имя и звание?

– Капитан Радлов, двадцатая гвардейская стрелковая дивизия, – ответил Петр, чем изрядно удивил допрашивающего.

– Очень хорошо, – кивнул немец. – Ты – хороший пленник. Второй вопрос – сколько войск сейчас в Вене?

– Капитан Радлов, двадцатая гвардейская стрелковая дивизия, – проговорил Петр четко. Допрашивающий нахмурился:

– Ты что, большевистская свинья, не понял вопроса? Я спрашиваю, сколько войск в Вене?

– Капитан Радлов, двадцатая гвардейская стрелковая дивизия, – рявкнул Петр так, что в одном из углов заколыхалась паутина, а морщинистый бригаденфюрер поднял голову и с интересом посмотрел на пленника.

– Черт подери! Ну, ты сам напросился, – прошипел офицер и, повернувшись к азиату, перешел на язык, совершенно разведчику не знакомый.

Узкоглазый выслушал, кивнул. Он подошел к Петру спереди, поднял руки. Черные глаза влажно блеснули, и пальцы, жесткие, как сучки, коснулись висков пленника. Радлов ощутил нажатие, и тут же в голове словно разорвалась граната. По стенкам черепа изнутри ударило с такой силой, что показалось – еще миг, и кости не выдержат, треснут.

Глаза заволокла багровая пелена, и легкие отказались впускать в себя воздух.

Сквозь бьющие в ушах разрывы снарядов тяжелого калибра и плещущую за веками боль Петр слышал разговор:

– Отойдите, герр Лочи, – сказал, судя по голосу, морщинистый. – Мне не видно!

– Вы же знаете, он не понимает по-нашему, – отозвался офицер.

– Так переведите! А то я боюсь пропустить зрелище.

Боль отступала, но очень медленно и неохотно. Петр судорожно дышал, закрыв глаза и впившись пальцами в подлокотники. Когда сумел поднять веки, на лице бригаденфюрера увидел откровенное удовольствие. Азиат все так же равнодушно улыбался.

– Ты понял, что с тобой будет, если не станешь отвечать? – спросил допрашивающий офицер. – Повторяю вопрос – сколько русских войск в Вене?

– Капитан Радлов, двадцатая гвардейская стрелковая дивизия, – прохрипел Петр, ухитрившись при этом издевательски ухмыльнуться.

– Свинья! – Кулак офицера, затянутый в перчатку, пришел в соприкосновение с челюстью Петра. Было больно, но после предшествующих мучений – вполне терпимо.

– Спокойнее, герр Хольтц, – сказал морщинистый. – Пусть наш тибетский друг попробует еще что-нибудь.

Вновь зазвучала незнакомая речь. Петр закрыл глаза, готовясь к боли.

Пальцы-сучки на этот раз коснулись шеи. Последовал ряд нажатий, и позвоночник словно вспыхнул. Яростное жжение распространилось по всей его длине, от копчика до затылка, проникло во внутренности, где запылал настоящий пожар.

Петр изо всех сил сдерживал крик, что рвался через горло, как птица из ловушки. Руки и ноги дергались, а полоса на лбу впивалась в кожу, говоря о том, как напряжена шея. Будь пути менее прочными, пленник наверняка разорвал бы их.

На этот раз боль не проходила дальше. Когда Петр смог открыть глаза, чувствовал себя так, словно его долго и беспощадно били. Болезненные ощущения остались почти в каждом органе...

Лица нацистов сквозь пелену боли казались неправдоподобно большими и какими-то плоскими, словно блины.

– Ну что, будешь отвечать, русская сволочь? – каркающим голосом произнес один из блинов.

Петр улыбнулся и ответил как можно громче:

– Капитан Радлов, двадцатая гвардейская стрелковая дивизия!

Следующего прикосновения он не ощутил, просто мир вокруг исчез, а тело бросило в черный океан боли. Его волны причудливо швыряли то, что осталось от капитана Красной Армии, и в ушах безостановочно звенел чей-то вопль, похожий на вой.

Океан отступил в тот миг, когда Петр понял, что кричит сам. Затем силы кончились, и крик перешел в сиплый хрип. Если бы не полоса кожи вокруг лба, то капитан, скорее всего, бился бы головой о спинку сиденья, пытаясь заглушить сверхъестественную боль обычной...

Когда он снова смог соображать, ощутил резь в предплечье. С трудом сфокусировал взгляд и обнаружил, что порезал запястье о железный фиксатор. Кровь текла лениво, словно нехотя, прокладывая темную дорожку на странно белой, будто снег, коже.

– Отвечай! – донесся голос допрашивавшего.

– Капитан Радлов, двадцатая гвардейская стрелковая дивизия, – прошептал Петр, но его, похоже, услышали. Последовал удар по лицу. В носу хрустнуло, а по губам побежала горячая соленая струйка.

Затем грохнула дверь, и в помещении раздались незнакомые голоса:

– Опять развлекаетесь, Ульрих? – сказал кто-то мягким звучным баритоном.

– А что, Август, вы против? – ответил морщинистый и, судя по звукам, встал.

Петр поднял тяжелые, словно свинцовые веки.

Человек в мундире гауптштурмфюрера¹⁴ смотрел на морщинистого генерала без подобострастия, несмотря на разницу в чинах. Эсэсовская форма сидела на подтянутой фигуре очень элегантно, но лицо того, кого называли «Августом», выглядело страшно – чрезвычайно большой нос, шрамы и нечто бесформенное вместо подбородка.

Окантовка погон у нового эсэсовца была синей, говоря о принадлежности офицера к касте военных медиков.

– Нет, я не против, товарищ, – улыбкой гауптштурмфюрер выделил последнее слово, добавив в него изрядную долю иронии. – Но есть ли смысл тратить столько времени на одного упорного пленника, если проще выбрать самого слабого и узнать все от него?

– Этот – командир, – неохотно кивнул бригаденфюрер. – И знает больше. И, кроме того, мне нравится сам процесс.

– Но сейчас вам придется прервать развлечения, Ульрих, – с равнодушной улыбкой пожал плечами Август. – Беккер только что прибыл из Зальцбурга. Там полная победа. Через десять минут Фридрих собирает совет арманов. Поспешим.

– Хорошо, товарищ, – кивнул морщинистый, и на грубом лице его проступило разочарование. Он повернулся к офицеру, ведущему допрос, и бросил: – Отведите его пока назад. Завтра продолжим.

*Нижняя Австрия, город Вена,
военный комиссариат
Советской Армии по Австрии.
25 июля 1945 года, 19:44–20:00*

Конев выглядел утомленным. Глаза не блестели, под ними набрякли мешки. Нелегко руководить группой войск, расположенной в непосредственной близости от союзников, что все чаще ведут себя как враги.

На разглядывание начальства генерал-лейтенант потратил несколько секунд, а затем по уставному четко спросил:

– Разрешите доложить, товарищ маршал?

– Разрешаю, – кивнул Конев. – Садись, Алексей Васильевич.

¹⁴ Соответствует капитану.

Благодатов сел, по давней привычке – на самый краешек стула. Не ощущая спиной опоры, непроизвольно напрягаешься, и от этого мысли становятся четкими и ясными. А уж если расслабился – пиши пропало, связно мыслить не получится.

– Обследовав территорию вплоть до Линца, самолеты вернулись. В городе Амштеттен обнаружено пять танков «Шерман», меченных свастиками. На дорогах Линца наблюдается активное движение автотранспорта, а над магистратурой города развевается нацистский флаг.

– Значит, все же восстание? – маршал потер виски, провел пальцами по векам, массируя уставшие глаза. – Кто бы мог подумать?! Американских частей не заметили?

– Никак нет, – покачал головой генерал-лейтенант. – Никаких следов.

– Значит, надо нам помочь союзникам, – на лицо Конева неожиданно выползла хитрая улыбка. – Из состава гарнизона города выделите танковый и стрелковый батальоны. Думаю, этого хватит. Выступление – сегодня же ночью. Задача – занять Линц. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ маршал, – генерал выдержал паузу. – Все же я не могу понять, почему Радлов ничего не сообщил? Ведь полностью уничтожить отряд разведчиков не так просто. Кто-нибудь да спасся бы.

– Возможно, потерял твой Радлов бдительность, – мрачно сказал Конев. – Мирная жизнь – она быстро расхолаживает.

Благодатов лишь вздохнул:

– Разрешите идти?

– Разрешаю, – кивнул маршал. – Выполняйте. Приказ будет через час.

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

25 июля 1945 года, 20:05–20:24

Обширное помещение освещалось только свечами, а окна, несмотря на теплый летний вечер, были плотно закрыты черными шторами. В углах копился мрак, и сурово блестели лезвия развешенных на стенах мечей. Пахло пылью и еще чем-то сладковатым.

– Да славятся Господа Земли, и да пребудет с нами их благословение, – произнес мужчина, сидевший во главе стола.

Лицо его было плохо видно, и казалось, что оно то удлиняется, то укорачивается в такт колебаниям языков свечей. Блестела выбритая налысо голова, на макушке чернела круглая церемониальная шапочка.

– Да славятся! – хором повторили еще восемь человек, сидевших по четыре с каждой стороны длинного стола из темного дерева.

– И чтобы сила их не скудела и вечно пребывала с нами, – проговорил нараспев сидевший во главе, когда-то просто профессор Фридрих Хильшер, ныне – старший из арманов замка Шаунберг. – Пожертвуем им по капле священной арийской крови.

Он взял лежавший перед ним на столе короткий кинжал, на рукоятке которого золотом был выгравирован знак – прямая линия с отходящей от нее веточкой¹⁵, а на лезвии – надпись: «Твоя кровь – высшее, что ты имеешь», и уколол острием подушечку большого пальца.

Темная капля набухла и сорвалась, чтобы спустя мгновение разбиться о поверхность стола. За ней последовали еще восемь товарок. Тьма в углах, казалось, зашевелилась. Из нее полезли отростки, словно щупальца, пытаясь ухватить людей у стола. Напряжение в комнате стало ощутимым, воздух словно нагрелся.

– Приношение принято, – сказал Хильшер, когда по залу пронеслось веяние свежего воздуха.

Кинжалы легли на стол, и заговорил тот, кто сидел последним по левую руку от предводителя.

¹⁵ Руна Каун, означающая в том числе и расовую чистоту.

– Что же, раз все формальности соблюдены, может, перейдем к делу? – сказал он звучным баритоном, и на лице его отобразилась ироническая усмешка.

– Вы знаете, Август, что это не формальности, – строго остановил его Хильшер. – Без ритуалов мы потеряли бы силу, стали бы обычными людьми.

– Ладно, ладно, молчу, – примирительно поднял ладони ироничный доктор Хирт, прославившийся некогда составлением коллекции «расово неполноценных» черепов в Страсбургском университете.

Голос его мало подходил к уродливому, страшному лицу. Не зря в свое время доктора Хирта в СС за глаза прозвали «мертвой головой».

– Говорите, Хельмут, – кивнул Хильшер.

– В лагере у Зальцбурга освобождено около трех тысяч человек, – сообщил бригаденфюрер Беккер. – Все они – бывшие солдаты войск СС, дивизий «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова», «Гогенштауфен» и «Гитлерюгенд». Скорее всего, это все, кто уцелел в данных подразделениях. Кроме того, американцы устроили рядом с лагерем склад военной техники, в котором мы обнаружили пятьдесят танков «Пантера» и «Тигр», три десятка «САУ», находящихся в боеспособном состоянии. Стрелкового оружия и боеприпасов тоже вполне достаточно.

– Все это очень хорошо, – резким голосом проговорил сидевший напротив Беккера человек. – Но зачем нам танки? Разве в этом наше оружие?

– Вы правы, товарищ, – примирительно сказал Хильшер. – Но бригаденфюрер Беккер в первую очередь – солдат, и нет смысла его в этом упрекать. Танки нам пригодятся. Но сейчас надо решать иные проблемы, – бывший профессор повернулся к Виллигуту, который сидел, нахохлившись, точно старая ворона: – Сколько у нас блуттеров?

– Десять, – ответил тот мрачно. – Но что толку? Операторов всего шестеро: я, Ганс, Феликс, Август, а также доктора Шульц и Хагер.

– Придется вам этой ночью поработать, – мягко сказал Хильшер. – До утра надлежит проверить всех освобожденных воинов СС.

– Ладно, – проворчал Виллигут, и лицо его помрачнело.

Работать ночью ему не хотелось, но Карл хорошо понимал, что без тяжелой работы победа не придет.

– Теперь другой вопрос, – Хильшер перевел взгляд на морщинистого бригаденфюрера, на того, что недавно наблюдал за пытками пленника. – В каком направлении прежде всего надлежит атаковать?

– Берлин, – пробурчал Ульрих. – Это сердце нашей страны.

– Далеко, – покачал головой Беккер. – Тогда уж сначала Мюнхен. Родина партии!

– Нет, только Вена! – визгливо выкрикнул невысокий круглолицый человечек, что до сих пор сидел молча. – Это – центр, откуда наша раса сможет начать восхождение, и без ее захвата наше предприятие обречено на провал!

– Йорг, там русские, – мягко улыбнулся Виллигут, – а не какие-нибудь янки, и выбить их из Вены будет столь же нелегко, как и взять Москву.

– Ну и что? – круглолицый резко вскочил. На губах его появилась пена, глаза яростно сверкали. Даже заметная одышка не мешала торопливой речи. – Они – ничто по сравнению с высшей расой, что приходит на смену смешному и глупому человечеству! Мы смешаем их с навозом и легко отобьем Вену – священный город для каждого арийца!

– Тише, – поднял руку Хильшер, и Йорг Ланц фон Либенфельс, если судить по документам – хозяин замка, послушно сел, пытаясь восстановить дыхание. Против авторитета бывшего профессора он пойти не рискнул. – Доверим же решение судьбе!

Хильшер извлек из кармана небольшой мешочек темной ткани, внутри которого что-то мягко постукивало. Блеснула золотом вышитая на боку мешочка двойная свастика.

– Укажите нам путь, Господа Земли! – сильный голос Хильшера улетел к высокому потолку, и в ответ сверху, как показалось, донесся едва слышный шепот. – Куда следовать нам, предвозвестникам новой эпохи, нового человечества?

Профессор запустил руку в мешочек и очень осторожно извлек оттуда небольшой кусочек дубовой коры. Затаив дыхание, сидевшие за столом наклонились вперед, пытаясь рассмотреть, какую руну выбросила судьба?

Хильшер перевернул пластинку коры, и на обратной ее стороне обнаружился рисунок – та же молния, что блестела на петлицах эсэсовцев. Когда-то давно ее красили багровым, и теперь казалось, что в узких прорезях плещется кровь.

– Зиг, – потрясенно пробормотал фон Либенфельс. – Руна победы!

– А также восхода, – усмехнулся Виллигут.

– Быть по сему! – прервал комментарии Хильшер. – На восток, на Вену! Хельмут, когда мы будем готовы выступить?

– Учитывая, что на завтра запланирована отправка специальных групп, то не ранее вечера, – после паузы сказал Беккер. – Да и раньше делать это опасно. Противник, имея превосходство в воздухе, легко уничтожит танки на марше. А атаковать крупный город без боевой техники я отказываюсь.

– Хорошо, – кивнул Хильшер. Гадание словно истощило его. Глаза потеряли блеск, а голос зазвучал глухо. – Детали обсудим завтра. Есть еще у кого-нибудь что-то, что он желает сообщить совету арманов?

Ответом была тишина.

Заскрежетали по полу ножки отодвигаемых стульев. Свечи погасли, и люди один за другим разошлись, оставив зал в полной темноте.

В ней он и пребудет до следующей встречи.

*Нижняя Австрия,
окрестности города Амштеттен.
26 июля 1945 года, 8:27 – 9:59*

Вошедший в город взвод разведки был атакован почти сразу. Донесся треск очередей, и затем все поразительно быстро стихло. Полковник Ковалев глянул на замолчавшую рацию и выругался.

А затем отдал приказ атаковать. Тридцатьчетверки, лучшие боевые машины войны, заревели моторами и поползли вперед. Рядом с ними, как муравьи в компании с толстыми носатыми жуками, побежали пехотинцы.

Нападавшие втянулись в пределы городка, не встречая сопротивления. Но когда последняя машина исчезла меж домов, поднялась пальба. Одновременно раздалось несколько разрывов, и сердце полковника екнуло. Подсказало, что что-то там, на узких улочках, совсем не так.

Передний танк уронил аккуратный забор и выехал на совершенно пустынную улицу, по сторонам которой стояли одинаковые, словно близнецы, дома.

Но не успел командир танка удивиться отсутствию противника, как в башню ударили сразу два фаустпатрона. В броне образовалось отверстие размером с кулак, и внутренности боевой машины наполнило пламя...

На танке, шедшем чуть впереди автоматчиков, скрестились два огненных клинка, и он вмиг загорелся, превратившись в чадающий кусок металла. Взрывной волной пехотинцев швырнуло на землю.

Лишь те, кто был дальше, остались на ногах.

Второй танк разворотил выстрелом один из домов, в котором была засада. Другой оказался под мощным автоматным огнем. Но особых выгод это не принесло, так как оба строе-

ния оказались пусты. Каким образом те, кто применил фаустпатроны, успели покинуть место засады, оставалось непонятным.

Осторожно обогнув погибшего собрата, танковая колонна тронулась далее. Пехота теперь выдвинулась вперед и принялась осматривать дома. Но всюду царила пустота, даже местные жители куда-то подевались.

Тем неожиданнее оказалась атака. Сначала послышалась короткая перестрелка на правом фланге, но быстро стихла. Наступавшие не обратили на нее внимания, решив, что фланговое охранение наткнулось на противника. Поскольку просьб о помощи не поступало, то все, скорее всего, закончилось благополучно.

Но тут вдоль улицы сзади ударили два пулемета, судя по звуку – переделанные авиационные «МГ-151». Неясно было, как противник сумел закинуть в тыл наступавшим станковые машины весом в сорок с лишним килограммов.

Но советским солдатам, попавшим под огонь, было не до того, чтобы искать ответ на этот вопрос. Пули калибром в двадцать миллиметров буквально выкосили улицу, оставив в живых лишь тех, кто упал или укрылся за корпусом танка. Таких было немало, но все же потери оказались велики. Улица покрылась убитыми и ранеными. Даже сквозь рев моторов пробивались крики и стоны.

Шедший последним танк развернул башню, но в прицеле никого не обнаружил. Пулеметики с непостижимой скоростью покинули улицу. Тем не менее тридцатитонная машина поползла назад, поводя пушкой, словно слон – хоботом.

Гибель ее была быстрой. Выскочившие из-за домов две серые тени одинаковым движением вскинули к плечам палки с утолщением на конце, раздался грохот, и танк, пораженный в башню, потерял боевое значение. А серые тени исчезли так быстро, что пехотинцы не успели открыть по ним огонь.

– Что за черт, – пробормотал один из солдат, добравшийся до Австрии от самого Сталинграда. – С кем мы воюем-то? Человек не может двигаться так быстро!

Ответом ему было угрюмое молчание.

Полковник Ковалев выслушивал доклады с передовой и все больше мрачнел. Потери оказались такими, что впору было подумать, что двум батальонам противостоит полная дивизия СС, укомплектованная опытными солдатами. Не добавляли оптимизма и странные сообщения о том, что солдаты противника двигаются быстрее ветра.

– Отходить! – отдал приказ полковник, и тут прилетевшая из-за спины пуля угодила точно в рацию.

Вторая свистнула рядом с головой, и Ковалев поспешно упал. Около него бухались на землю офицеры и солдаты, минометчики суматошно метались меж своих орудий, задравших к небу толстые жерла.

Обстрел продолжался, и вскоре стало ясно, что противник, пользуясь домами как прикрытием, подобрался почти вплотную. Впервые за долгое-долгое время полковник подумал, что сегодня его часть может потерпеть поражение.

Последнего приказа Ковалева в Амштеттене не расслышали, но самостоятельно приняли решение отходить. Танки, а их к этому моменту уцелело пятнадцать из двадцати, тяжело ворочались, с грохотом круша строения. Слышался треск ломавшихся деревьев. Матерились пехотинцы, перевязывая товарищей и одновременно пытаясь смотреть по сторонам.

Кто знает, откуда последует очередной выпад противника?

А тот атаковал раз за разом, не давая передышки. То и дело из клубов дыма и пыли возникали фигуры в серых мундирах. С изящной стремительностью выходили на огневые рубежи и стреляли, стреляли, стреляли. Фаустпатроны у немцев, к счастью, кончились, но «Панцерш-

реки»¹⁶ делали свое дело исправно, поражая лишённые маневренности танки. Сами же солдаты с реактивными ружьями перемещались столь быстро, что обстрелять их не всегда успевали даже автоматчики, не говоря о танкистах.

В один момент поражёнными оказались сразу две боевых машины. Сдвоенный взрыв ударил по ушным перепонкам, и сразу немцы пошли в массированную атаку. Среди клубов дыма замелькали серые мундиры, послышался треск автоматов.

Лишённые командования бойцы не смогли оказать дружного отпора, и бой распался на короткие схватки. В них немцы почему-то имели значительное преимущество. Они несли потери, но совсем небольшие, а советская пехота довольно быстро полегла до последнего человека.

Два танка, нутужно ревя моторами, ухитрились выбраться из окружения. Но с того места, где должен был располагаться резерв и командование, по ним тоже начали стрелять. Хорошо хоть, что только из ручного оружия.

Командиры танков ринулись на прорыв. Разогнали выстрелами из пушек эсэсовцев, раздавили несколько минометов и с максимальной скоростью понеслись по шоссе, ведущем на восток, к Санкт-Пельтену, и дальше – к Вене.

¹⁶ Реактивные противотанковые ружья.

Глава 3

Мы, национал-социалисты... приостановим миграцию немцев на юг и запад и обратим наши взоры на земли, расположенные на востоке... Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы в основном можем иметь в виду лишь Россию и ее вассальные пограничные государства. Сама судьба указывает нам этот путь.

Адольф Гитлер, 1923

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

26 июля 1945 года, 11:03–12:57

Ночь в подземелье была страшной.

Спать, лежа на холодном сыром полу, никто не рискнул. Пришлось отдыхать, сидя у стены, тесно прижавшись друг к другу. Так получалось немного теплее. Для естественных потребностей предназначалась дыра в полу, обнаруженная в одном из углов. Со связанными руками спускать штаны было неудобно, и приходилось пользоваться помощью товарищей. Пить пленникам не давали, и к утру их начала мучить жажда.

Петр уснуть не смог. После допроса болели все внутренности, хотя синяки, да и то не особенно большие, остались только на лице. Но стонала, жалуясь на судьбу, печень, ныли почки, в животе не проходила резь, в сердце время от времени точно вонзались раскаленные иголки.

Новый день, судя по ощущениям, давно наступил, но в подземелье оставалось все так же темно.

Потом раздались приглушенные шаги и открылась дверь. Выяснилось, что пленникам принесли воду. Сержант-тюремщик, сопровождаемый двумя автоматчиками, поставил грязный тазик на пол и отступил, надеясь полюбоваться, как русские скопом кинутся к воде, пихая и отталкивая боевых товарищей. Но немца ждало разочарование.

– Подходить по списку и не толкаться! – скомандовал Петр. – И по три глотка! Ахмет-галиев – вперед!

Низенький татарин проворно поднялся и засеменил к тазу. За ним вставал идущий следующим по списку Борисов. Петр знал своих солдат и верил, что у них хватит терпения и стойкости.

– Черт подери! – выругался нацист, не получив желаемого удовольствия, и покинул подвал. Вновь стало темно. Слышались лишь шаги, нетерпеливое дыхание, а затем легкий всплеск, когда очередной солдат припадал к воде.

Петр помнил список разведчиков наизусть и выкрикивал фамилии вслух.

Сам подошел к воде последним.

Тазик пах отвратительно. Скорее всего, ранее из него поили свиней. Но на вкус вода была слаще тех изысканных напитков, что подают в лучших ресторанах. На долю капитана досталось всего два глотка.

К удивлению пленников, спустя примерно полчаса в коридоре вновь раздались шаги. Дверь заскрипела, и на пороге появился давешний тюремщик, угодливо выюющийся вокруг полного старика в погонах бригаденфюрера. В руках пожилой держал небольшой черный чемоданчик.

– Проходите, герр Виллигут, – бормотал тюремщик, извиваясь всем телом. – Тут не очень чисто...

– Ничего, это не важно, – сказал старик и перешагнул порог.

Вслед за бригаденфюрером в помещение проникли трое автоматчиков с фонарями. Последним вошел тот самый Август, что вчера прервал допрос Петра. На лице его читалась усталость, но на губах блуждала усмешка, что вполне подошла бы Мефистофелю.

– Так вы, доктор, думаете, что блуттер сломался? – поинтересовался бригаденфюрер, продолжая, судя по всему, начатый ранее разговор.

– Вне всяких сомнений, – усмехнулся Август. – Если при исследовании чернявого низкорослого солдата из вспомогательных частей дивизии «Гитлерюгенд», добровольцы в которую набирались неизвестно где¹⁷, он говорит мне, что передо мной ариец, то я имею право усомниться в работоспособности прибора.

– Конечно, – кивнул Виллигут, усаживаясь на принесенный одним из охранников стул. Чемодан на его коленях щелкнул запорами и послушно открылся, словно рот перед дантистом. – Сейчас посмотрим.

Пару минут бригаденфюрер молча возился во внутренностях чемодана, чем-то щелкал, удовлетворенно ворча. Август молча стоял рядом, иногда без любопытства поглядывая на пленников.

– Так, – сказал Виллигут после паузы. – Теперь нужен подопытный. Ну-ка посветите!

Охранники послушно подняли фонари, освещая лица пленников. Те щурились от яркого сияния, пытались спрятать лица.

– Вон тот подойдет, – ткнул бригаденфюрер пальцем, острым и тонким, как карандаш, в раскосого крепыша Ахметгалиева.

Двое охранников шагнули вперед и вздернули пленника на ноги. Тот сопротивлялся, но удар в живот решил дело. Обмякшего, словно тряпичная кукла, Ахметгалиева подтащили к сидевшему эсэсовцу.

– Так, мне нужна его рука.

Пленнику быстро сняли с запястий веревку. Спустя миг его ладонь, направляемая руками автоматчика, скрылась за крышкой чемодана.

Все немцы смотрели в этот миг на бригаденфюрера, и не воспользоваться моментом было глупо.

Петр подтолкнул локтем Михайлина. Кивком головы показал ему на единственного незанятого охранника. Сержанта, состоявшего при тюрьме, капитан в расчет не брал. Всем известно, что подобные субъекты – сплошь трусы. Сам же он хотел броситься на Августа, надеясь, что товарищи не подведут и сладят с остальными.

Ахметгалиев слабо охнул, и Петр рванулся вперед. Еще не отошедшее от вчерашних пыток тело повиновалось плохо, но разведчик подавил сопротивление мышц и суставов. Он вложил в бросок остаток сил и всю злость на врага.

Блеснули удивлением глаза Августа, казавшиеся в полутьме фиолетовыми. Капитан всем телом обрушился на немца. Вместе с ним рухнул на пол. Больно ударился плечом о пол. Но не успел Петр даже зашипеть, как оказался вздернут вверх, словно нашкодивший котенок.

Он висел в воздухе, пытаясь понять, что произошло. И с изумлением осознал, что его, весящего почти восемьдесят килограмм, держит в одной руке охранник...

И как немец среагировал столь быстро?

Михайлин, силач, легко одолевавший в схватке двоих, а то и троих, находился в еще более жалком положении. Колено охранника покоилось на его затылке, а сам великан лежал, вдавленный в пол.

Попытка бунта была пресечена в зародыше.

– Поднимайтесь, гауптштурмфюрер, – послышался спокойный голос Виллигута. – Это существо ничего вам не сломало?

¹⁷ В Бельгии.

– Нет, – брезгливо ответил Август. – Но я весь в грязи, и воняет от меня, скорее всего, дерьмом!

– Ничего, мыло, слава Вотану, в Шаунберге в достатке, – бригаденфюрер хохотнул. – Идите сюда, Август, посмотрите на результат. А вы, – тут Виллигут повернулся к охране, – положите этих тварей на прежнее место.

Петр ощутил, что летит, и в испуге сжался, ожидая удара.

Упал, однако, на мягкое. Кто-то зашипел, кто-то выругался, а капитан поспешно отполз на свободное место.

– Вот, видите, все как положено, – говорил тем временем Виллигут. – Давайте еще кого-нибудь.

Последовала возня и слабые стоны. Ахметгалиева, судя по всему, вернули на место тем же способом.

– Кого, герр Виллигут? – подобострастно спросил тюремщик.

– А давай вот этого, строптивного, – со смешком сказал Август. – Посмотрим, что он из себя представляет.

Петра грубо ухватили за руки и потащили к бригаденфюреру.

Спустя миг Радлов был развязан, но какую-то выгоду из этого вряд ли смог бы извлечь. Руки сдавили словно стальными тисками, и сопротивляться не было никакой возможности.

Зато теперь он мог видеть внутренности чемоданчика. Крышка выглядела обычной, только была исписана странными остроконечными символами. Но зато полость целиком закрывала черная пластина. В ее верхней части шел ряд попарно расположенных колесиков с цифрами, поставленных на ребро, словно в цифровом замке.

Всего их было восемь, отметки в каждой паре стояли на нуле. Рядом с каждой из них находилась буква. В середине пластины горделиво располагилась выемка с иглой в центре. В самом низу торчала большая черная кнопка.

– Что же, приступим, – деловито сказал Виллигут.

Руку Петра потащили вперед, и указательный палец буквально насадили на иголку. Боли почти не было. Затем палец сдавили, и тут-то укол начал саднить. Ладонь пленника грубо отдернули в сторону, и на кончике иглы осталась висеть маленькая капелька крови, матово блестящая в свете фонарей.

Некоторое время она оставалась на месте, словно раздумывая, что делать, а затем скользнула вниз, размазавшись по телу иглы.

Внутри чемоданчика что-то щелкнуло, затем едва слышно загудело. Виллигут удовлетворенно кивнул, и тотчас начали вертеться некоторые из колесиков с цифрами. Правое колесико в каждой паре, как понял Петр, означало единицы, а левое – десятки.

Чем дальше крутились колесики, тем больше округлялись глаза бригаденфюрера. Когда же гудение стихло и колесики замерли, то на лице его отобразилось самое чистое, прямо-таки детское, недоумение.

– Этого не может быть! – сказал он, потирая лоб.

Гауптштурмфюрер, нагнувшийся, чтобы лучше видеть результат, проговорил со смешком:

– Да, похоже, эта штука все же не работает!

– Не мо... – начал Виллигут каким-то низким голосом, и голос прервался, перешел в хрип.

Взглянув на пожилого эсэсовца, Петр обомлел. Тело немца сотрясали корчи, глаза бешено сверкали, а лицо корежило судорогой. Когда бригаденфюрер вновь заговорил, то голос был совсем другой, не тот, что раньше.

– Я вижу, – прохрипел Виллигут, в то время как Август ухватил его за плечи, не давая упасть со стула. Один из охранников подхватил прибор, и вовремя. Еще миг – тот свалился бы на пол. – Это город, большой город... В пламени! Вот, вот...

Щелкнули застежки закрывшегося чемоданчика, и это помогло припадочному немного прийти в себя. Он перестал биться. Но взгляд, направленный в потолок, пугал неподвижностью, а губы двигались словно сами по себе, порождая глухой голос:

– Да, это Рим... Вот мраморные дворцы, вот Капитолий! Всюду кровь... Я слышу лязг оружия... Сражаются, они сражаются! Воины, чьи кудри блистают благородным золотом... Они врываются в дома, легко убивают изнеженных римлян... А ведет их...

Тут тело старика выгнуло дугой. Гауптштурмфюрер отлетел в сторону, а Виллигут оказался на ногах. Горящий взгляд уперся прямо в Петра, а поднятый палец казался острым, словно копье. Еще миг, и ударит, прямо в горло...

– Он! – крикнул бригаденфюрер, указывая на капитана. – Их ведет он!

Крик, казалось, исчерпал все силы бесноватого. Глаза его закрылись, ноги стали подкашиваться, и, не подскочи тюремный сержант, старик точно упал бы. А так Виллигута усадили на стул, и он довольно быстро пришел в себя.

– Ничего себе, – сказал Август, и в словах его чувствовалось потрясение. – Кто бы мог подумать?

Он посмотрел на Петра, и тот ощутил в этом взгляде какой-то странный интерес, смешанный с уважением.

– Хотя череп, безусловно, арийский, – после недолгого осмотра продолжил гауптштурмфюрер. – Как я сразу не заметил?

– Такое трудно заметить, – прокашлявшись, слабым голосом проговорил бригаденфюрер. – Как в черве рассмотреть бога? Почти невозможно!

– Так ты думаешь, что это сам Аларих¹⁸? – В голосе Августа слышалось сомнение, жить которому, похоже, оставалось недолго.

– Несомненно, – кивнул пожилой эсэсовец, поднимаясь со стула. – Великий вождь, первым доказавший, что германцы сильнее Рима. Так что с прибором все в порядке.

– Похоже на то, – без особого желания согласился гауптштурмфюрер.

– Ладно, – Виллигут закричал, чуть не в первый раз показывая, что устал. – Надо будет поговорить с ним наверху, в более комфортных условиях.

Последовал кивок охранникам и приказ:

– Берите его. Но осторожно, без членовредительства.

Капитана подняли и понесли. Затих позади удивленный ропот товарищей. Лязгнула запертая дверь, и мимо поплыли стенки коридора. Петр успевал только шевелить ногами, время от времени касаясь ими пола, с такой скоростью его тащили. Загрохотали ступеньки винтовой лестницы, и подвал остался внизу. Пленника повели, точнее, поволокли через переплетение коридоров и лестниц. Скоро он совершенно потерял направление. Пришел в себя лишь в большой комнате, когда его усадили на стул. Руки так и не связали.

Сквозь открытое окно врвался восхитительно свежий воздух. В первые мгновения Петр просто дышал, освобождая легкие от смрада подземелья. Мелькнула мысль о побеге, но быстро пропала. За окном виднелся лишь самый верх замковой стены, да еще небо. Судя по высоте, прыжок закончится лишь тем, что он сломает себе ноги.

Отдышавшись, разведчик осмотрелся. Одну из стен занимал огромный книжный шкаф. Корешки некоторых книг были чудовищной толщины, другие фолианты выглядели очень древними. Пахло в помещении старой бумагой.

¹⁸ Вождь вестготов, которые первыми из варваров взяли и разграбили Рим.

Сбоку от окна стоял массивный письменный стол, изготовленный, скорее всего, в прошлом веке, когда делали прочно, на столетия. За ним располагалось кресло с высокой спинкой.

Послышался шум шагов, и вошел Виллигут. Вслед за ним появились двое охранников, тех же самых, что были в подземелье. Один из них тащил сверток.

– Я знаю, что вы говорите по-немецки, – сказал бригаденфюрер, усаживаясь в кресло.

– Да, – мрачно буркнул Петр.

– Хорошо, – Виллигут удовлетворенно кивнул. – Вам принесли одежду, так что переодевайтесь. А то сейчас от вас слишком пахнет.

И немец сморщил нос. Капитан развернул сверток, положенный ему на колени. Там оказалась ослепительно белая форма унтерштурмфюрера тридцать седьмой кавалерийской дивизии СС «Лютцов».

– Я не буду это носить, – проговорил Петр решительно, и одежда полетела на пол.

– Зря, – печально вздохнул Виллигут. – Гражданской одежды у нас все равно почти нет. Есть еще черная форма, имеется серая, и в большом количестве. Но ее я вам даже и не предлагаю. Одевайте это.

– А вот вы стали бы носить форму Советской Армии? – спросил Петр воинственно.

– Да, – кивнул старый эсэсовец. – Если бы не было иного выбора. Не в форме дело. Вот если бы на мне не было этого мундира, разве бы вы отнесли ко мне по-другому?

– Ну, скорее да, – поколебавшись, ответил Петр.

– Эх, сильно вас изуродовало большевистское воспитание! – Виллигут укоризненно покачал головой, словно дедушка, слегка осудивший любимого внука. – Надо смотреть на внутреннюю сущность, а не на внешнюю оболочку. Можете содрать нашивки и погоны, если они так мешают.

Петр угрюмо набычился:

– Не буду! И зачем вы, вообще, меня сюда притащили? Уж лучше в подвале, но с товарищами, чем здесь, с вами!

– Ладно, – довольно легко согласился Виллигут. – Не хотите одеваться – ваше дело. А цель вашего освобождения я объясню позже. Сейчас же позвольте представиться. Я – Карл Виллигут.

– Ну-ну, – хмыкнул Петр.

Но бригаденфюрер не обратил на скепсис никакого внимания.

– Вы ведь родом из Прибалтики? – спросил он.

– Нет, – ответил Петр уверенно. – Я с Поволжья.

– Хм, странно, – бригаденфюрер нахмурился, но тут же на его лице возникла довольная улыбка. – Там ведь была республика немцев, если не ошибаюсь?

– Была, – кивнул капитан, не очень понимая, к чему клонит нацист.

Дальние предки Радлова вроде и в самом деле были из колонистов, во времена Екатерины Второй приехавших осваивать дикий край. Но какое это имеет значение?

– Так вот, вы по крови – немец, ариец, если хотите, – Виллигут говорил терпеливо и спокойно, как учитель в классе для умственно неполноценных детей. – И имя ваше должно звучать как Петер Радлофф.

– Ну уж нет, – замотал головой Петр. – Я – советский человек, а уж кто по крови – это неважно.

– Это как раз важно, – бригаденфюрер устало вздохнул, досадуя на непонятливость собеседника. – Все же еврейские комиссары забили вам мозги своими бреднями! Помните тот прибор, которым я вас обследовал в подземелье?

– Конечно.

– Так вот, это блуттер¹⁹, изобретение профессора Хильшера. Он позволяет с высокой точностью определять, кто человек по крови, – Виллигут вновь улыбнулся.

– Это какой-то бред, – уверенно сказал Петр, не ощущая все же особой убежденности. – Это невозможно!

– Все возможно, – лицо старика стало серьезным, – когда за дело берется наука, вооруженная истинно прогрессивным арийским подходом к проблеме и не замутненная еврейскими предрассудками. Сейчас я все объясню. В свое время доктор Бруно Шульц, гауптштурмфюрер нашего Ордена²⁰, создал шкалу для оценки кандидатов в СС с точки зрения их расовой чистоты. Он выделил пять групп: чисто нордическую, преобладающе нордическую, или же фалическую, группу, группу с гармонической смесью обоих рас с легкой примесью альпийской, динарской и средиземноморской крови. В четвертую группу он выделил гибридов с преобладанием восточной крови, а в пятую – метисов неевропейского происхождения. Понятно, что использовать эту классификацию из-за ее расплывчатости при создании прибора было невозможно. Пластомер доктора Роберта Бюргера-Вилингена²¹ слишком неудобен в обращении. Профессор Хильшер предложил свою методику. Он выделил восемь типов крови, что может течь в жилах современного европейца: арийскую, балтскую, романскую, кельтскую, славянскую, угорскую, тюркскую и еврейскую.

– И что? – спросил Петр. Голова его от большого объема бессмысленных сведений, потребленных натошак, непомерно раздулась, и логику бригаденфюрера он улавливал с большим трудом.

– А то, что прибор показывает, сколько процентов какой крови находится в том или ином человеке. Таким образом, мы получаем научно обоснованную возможность узнать, кто является арийцем, а кто – нет.

– И зачем?

– Как? – Седые брови Виллигута взлетели почти к волосам. – Это коренной вопрос! В практике СС использовалась длинная процедура бумажной проверки всех предков человека с тысяча восьмисотого года для рядовых, и с тысяча шестисот пятидесятого – для офицеров. Она занимала очень много времени, да и не могла дать полной гарантии. А с появлением блуттера все эти трудности преодолены!

– Почему же прибор так и не нашел применения? – Петру все труднее было следить за нитью разговора. Кружилась голова, болели мускулы. Сказывались пытки и усталость.

– Во-первых, слишком поздно он оказался изобретен. Действующая модель появилась в январе сорок пятого, – бригаденфюрер вздохнул. – А во-вторых, многие из руководителей Рейха оказались бы после проверки не столь чистокровными арийцами, как им хотелось бы. Поэтому нашему изобретению не дали хода.

– И что показал ваш прибор относительно меня? – собственные слова громом отдавались в ушах, хотя на самом деле капитан говорил очень тихо.

Но Виллигут его услышал.

– Девяносто пять процентов германской крови! – с трепетом произнес он. – И пять – славянской. Мы было решили, что блуттер барахлит, но...

Комната мягко закружилась перед глазами Петра, и спустя мгновение он ощутил правым боком легкий удар. Где-то в глубине разума понял, что упал на пол, но ему было совершенно все равно.

¹⁹ От нем. Blut – кровь.

²⁰ СС, по идее основателей, – рыцарский орден, наследник традиций тамплиеров и Тевтонского ордена.

²¹ Реально существовавший инструмент для определения расовой чистоты посредством измерений параметров черепа.

Его приподняли, несколько раз стукнули по щекам. Сознание слегка прояснилось, но Петр по-прежнему ничего не видел. Голос Виллигута доносился откуда-то издалека, как из соседней комнаты, и в нем чувствовалось искреннее сожаление:

– Как нехорошо! Вам ведь надо отдохнуть и поесть! А я замучил вас разговорами!

Не успел разведчик удивиться заботливости фашистов, как его подняли и понесли. Сквозь туман проступили покачивавшиеся по сторонам стены. Затем навалилась новая волна слабости и погасила последние мысли.

Всю оставшуюся дорогу эсэсовцы тащили полностью бессознательное тело.

*Нижняя Австрия, город Вена,
военный комиссариат
Советской Армии по Австрии.
26 июля 1945 года, 14:03–14:15*

– Из сводного отряда, направленного в Линц, уцелели всего два танка, – в словах Благодарова звучала горечь поражения, неизвестная советским офицерам и солдатам очень давно.

Конев нахмурился.

– Как такое могло случиться? – спросил он.

– Похоже, что масштабы восстания гораздо больше, чем мы предполагали, – ответил комендант Вены.

– Значит, американцы, в нарушение договоренностей, сохраняли немецкие части в боевой готовности, за что и поплатились, – по лбу маршала причудливыми волнами покатались морщины. – А нам расхлебывать! Какими силами располагает комендатура?

– В гарнизоне – две стрелковые дивизии, – глаза Благодарова сурово блеснули за стеклами очков, и вид его был далек от обычного благодушного, – и танковый батальон... был. На аэродроме – звено истребительной авиации, звено бомбардировочной авиации и разведывательные самолеты.

– Придется пока обходиться этим, – маршал огладил лысину. – Я сегодня созвонюсь с Жуковым²² и, если что, позже вызову из Праги еще две дивизии. Надеюсь, что этого хватит. Ваша задача, товарищ генерал – подготовиться к отражению возможного наступления с запада. Все ясно?

– Так точно, – ответил генерал-лейтенант.

– Тогда выполняйте.

*Штирия, окрестности города Айзенэри,
пост на границе английской зоны оккупации.
26 июля 1945 года, 14:39–14:51*

Стоявший на посту «Томми»²³ лениво жевал жвачку и на шагавшего по дороге человека не глядел. Зачем? Опасности ждать не от кого, а рассмотреть очередного аборигена, идущего из американской зоны, чтобы навестить родню, всегда успеет...

Краем глаза отметил необычный покрой одежды подходящего, а когда повернул голову, тот был уже рядом. Спокойное лицо, отсутствие оружия и эсэсовский мундир, незаношенный, словно только со склада.

«Томми» успел лишь удивиться. Но на то, чтобы поднять оружие или закричать, времени ему не хватило. Человек в серой форме атаковал стремительно, словно кобра. Мгновение – и шея незадачливого солдата оказалась сломана.

²² В июле сорок пятого – главнокомандующий Вооруженных сил СССР в Германии.

²³ Прозвище солдат английской армии.

Эсэсовец деловито поднял упавший автомат «СТЭН». Шагнул внутрь поста, спустя мгновение там дробно разнеслась очередь. Затем еще одна, потом все стихло.

Человек в сером мундире вышел из здания и помахал рукой в сторону небольшой рощицы на севере. Оттуда появились пять обвешанных оружием силуэтов. Быстро, бегом, они преодолели открытое пространство и оказались у стен поста.

– Ты выиграл, Фриц! – сказал один из вновь прибывших с досадой. Он тяжело дышал и распространял сильный запах пота. Не лучше выглядели остальные. Без ущерба переносил жару лишь тот, кто в одиночку расправился с англичанами.

– Да, – склонил он голову.

– Теперь поход по заведениям Граца за мой счет, как и договаривались, – уныло проговорил проигравший. – И как ты только сумел его заморочить?

– А никак, – лениво отозвался Фриц. – Точный расчет и знание психологии. Но не время болтать. Надо спрятать трупы. Быстро за дело!

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

25 июля 1945 года, 15:00–15:31

– Солдаты! – Визгливый голос фон Либенфельса отражался от стен замка и казался громче, чем был на самом деле. Эсэсовцы, одетые в гражданскую одежду и выстроенные в семь коротких колонн – всего сорок девять человек, слушали внимательно.

Оперативные группы уходили на задания, и арманы решили, что нельзя отпустить их без напутственной речи.

– Солдаты! – повторил фон Либенфельс. – Вы – авангард арийского возрождения. В ваших руках – будущее нашей нации! Пусть ваша кровь повелевает вами, а боги, хранители германского семени, покровительствуют вам! Если ваша задача будет выполнена успешно, то противник, поработивший немецкие земли, будет обезглавлен и лишен возможности сопротивляться. Наши братья по всему Рейху поднимут голову и придут к нам на помощь! Да, пока нас мало, но британцы сохранили в Северной Германии в целостности и сохранности группу «Норд». А там – сто тысяч солдат! Представляете, что будет, если все они примут Посвящение?

Фон Либенфельс кривил душой. Пройти Посвящение все не смогут, в лучшем случае – треть. Кроме того, диверсионный удар по аэродромам – тактический ход, он позволит всего лишь свести на нет преимущество противника в воздухе. На несколько дней, и не более того. Но ради великой цели можно и соврать.

– Будьте достойны славы предков, Зигфрида, Фридриха Барбароссы и фюрера, – продолжил он. – Идите и не останавливайтесь ни перед чем! Хайль!

– Зиг хайль! – пять десятков рук одновременно взлетели в древнем приветствии, и глаза солдат заблестели.

Фон Либенфельс кивнул, почувствовал, как навалилась одышка, досаждавшая в последние годы все чаще.

Оперативные группы покидали двор замка.

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

25 июля 1945 года, 16:22–17:29

Проснувшись, Петр понял, что находится в незнакомом помещении. Лежал на мягкой кровати, голова была пустой и гулкой, словно опорожненная кастрюля, а уши ловили плеск воды.

С некоторым усилием Радлов сел. Рядом с кроватью обнаружился столик, на нем – тарелка с едой: хлеб, сыр, зелень. Запахи коснулись ноздрей, и желудок принялся грызть ребра, словно обезумевший узник – стены камеры.

Но Петр сдержал желание, ел аккуратно, неторопливо. Затем отхлебнул из небольшого кувшинчика. В нем оказалось молоко, жирное, деревенское.

Сил прибавилось, кровь побежала по жилам немного веселее.

После этого разведчик осмотрел помещение более внимательно. Комната небольшая, два на три метра, зато дверь – очень массивная. На узком окне – частая решетка, а из-за нее доносятся тот самый плеск.

Петр встал и, держась за стену, подобрался к оконному проему. За решеткой блеснула голубизной довольно широкая, но все же гораздо уже родной Волги, река. Вниз до нее было более пятнадцати метров. Скорее всего, капитан находился в одной из башен замка. Отсюда хорошо просматривался противоположный берег – желтая полоска пляжа, кудрявая зелень кустов...

Вздыхнув, Радлов отошел. О свободе пока можно только мечтать.

Дверь слегка скрипнула и приоткрылась. В полутьме за ней блеснула каска солдата, последовал короткий внимательный взгляд, и эсэсовец, на миг заглянувший к пленнику, исчез. Вскоре в помещении появился Виллигут. Выглядел он гораздо лучше, чем несколько часов назад, а кожа его потеряла серый налет усталости.

Вслед за бригаденфюрером вошли двое охранников.

– Я вижу, вы отдохнули, – заметил офицер СС, потом глянул на опустевшую тарелку. – И поели. Это хорошо.

– Да, – ответил Петр твердо и сел на кровать.

– Тогда, – бригаденфюрер выдернул из-под стола простой деревянный стул и сел на него, – продолжим нашу беседу.

– Не вижу в разговорах никакого смысла.

– А я вижу, – мягко усмехнулся эсэсовец. – Мы, насколько я помню, остановились на том, что я сообщил вам о вашей арийской крови?

– Было такое, – разведчик мрачно кивнул.

– Так вот, учитывая ваше происхождение из России, в которой, как известно, с двадцать четвертого года осуществляется программа расового смешения...

– Что? – Петр не пытался скрыть изумления. – Что за бред?

– Это правда, которую Сталин, естественно, скрывал, – с горестным видом покачал головой Виллигут. – Программа смешанных браков с целью преобладания монголоидного, тюркского элемента, проводится планомерно уже более двух десятков лет. Доказательства этого были у «Аненэрбе»²⁴, но где теперь ее архивы?

– Э... – только и смог сказать Петр.

– Ваши девяносто пять процентов германской крови и всего пять – славянской позволили бы вам получить аненшайн²⁵ Рейха без всяких проволочек, – тут бригаденфюрер улыбнулся. Скорее всего, он пошутил. Но для советского человека его юмор оказался непонятен, а солдаты у двери как застыли статуями с самого появления, так и не дрогнули теперь.

Поняв, что шутка не удалась, Виллигут нахмурился.

– Что же, – сказал он. – Я несколько отклонился. Продолжим. Но ваш результат – пустяк. На том бы я и согласился с доктором Августом Хиртом, что блуттер сломан, но у меня было Видение!

– Что, простите? – поинтересовался капитан, скептически приподняв брови.

²⁴ «Наследие предков»; полное название – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков», сначала отдельная организация, позже – подразделение СС, занимавшееся «научными» изысканиями.

²⁵ *Ahnenschein* – свидетельство о происхождении, документ, удостоверяющий истинно арийское происхождение его владельца.

– Видение, – ответил старый нацист спокойно. – И я понял, что в прошлой жизни вы были великим вождем германцев Аларихом. Тем самым, который взял и разрушил развращенный Рим. Отомстил ему за все унижения, что римляне причинили арийцам!

– То есть как? – Петр растерялся. Столь откровенного бреда он не слышал никогда. – В какой прошлой жизни?

– Душа бессмертна, – проникновенно сказал Виллигут, – и переносится из тела в тело. Та душа, что ныне ваша, некогда двигала готом Аларихом.

– Вы серьезно в это верите? – Петр ощущал рвавшийся наружу смех, пытался его сдерживать, в результате издавал звуки, похожие на курлыканье. – Тогда вы точно все тут сумасшедшие!

– Это не вопрос веры, – отмахнулся бригаденфюрер, не обращая внимания на поведение собеседника. – Это вопрос восприятия. Я вижу мир именно таким, а вот ваше восприятие изуродовано чудовищной выдумкой мирового еврейства – марксистской идеологией.

– Все, что вы говорите про прошлые жизни, про бессмертие – это все чушь! – проговорил капитан, справившись с хохотом. – Как и ваше восстание. На что вы надеетесь? Возродить нацистскую Германию? Да вас же просто раздавят. Одной армии на это хватит, а их у союзников сейчас в Австрии и окрестностях не меньше десятка.

– Ну и что? – эсэсовец потер подбородок, и глаза его недобро блеснули. – У нас есть оружие, которое опрокинет миллионные армии недочеловеков. У нас есть сверхчеловек!

– Да ну? – Петр скептически скривил губы. – Очередной бред, как и видения с прошлыми жизнями?

– Совсем нет, и сейчас я вам это докажу, – Виллигут повернулся к стоявшим у двери солдатам, приказал: – Ганс, отдайте автомат товарищу и подойдите.

Солдат послушно передал штурмовую винтовку соседу и сделал два шага вперед. Петр недоуменно посмотрел на собеседника.

– Давайте проведем небольшой эксперимент, – сказал тем временем бригаденфюрер. – Вот, видите, десантный нож. Ганс, дай его сюда.

Лезвие длиной более тридцати пяти сантиметров блеснуло и выглядело достаточно грозным. Виллигут держал его неумело. Видно было, что сам он плохо представляет, как обходиться с подобным оружием.

– Ну да, нож, – кивнул разведчик. – И что?

– А сейчас я отдам этот нож вам, – с улыбкой сказал офицер СС. – И вы попытаетесь атаковать меня или Ганса, как вам будет угодно.

– Вы издеваетесь? – нахмурился Петр. – Тут тесно, и я не в самой лучшей форме. Кроме того, если я преуспею, вы запросто сможете расстрелять меня.

– Это вряд ли, поскольку шансов на успех у вас нет, – заметил Виллигут. – Ганс, ты готов?

– Так точно, герр бригаденфюрер! – Лицо солдата было спокойным, в светлых, как зимнее небо, глазах читалась безграничная уверенность в себе.

– Тогда за дело.

Виллигут наклонился вперед и положил нож на самый край стола, на расстоянии около метра от Петра. Капитан медленно протянул руку, ребристая рукоятка ткнулась в ладонь.

Ганс не шелохнулся.

Нож оказался идеально сбалансирован. Разведчик некоторое время повертел его, оценивая остроту заточки и качество стали. Даже повернулся к окну, чтобы разглядеть фабричную марку. В момент, когда его руки скрылись с глаз немцев, резко развернулся и швырнул оружие.

Увидел расширившиеся от страха глаза Виллигута. Те глаза, меж которыми должно вонзиться острейшее лезвие, пробить череп и поразить мозг, сосредоточие извращенных фашистских идей...

Ганс дернулся, фигура его словно смазалась. А затем он оказался стоящим почти вплотную к командиру. В руке солдата очутился нож, пойманный на лету. Острие едва не касалось переносицы бригаденфюрера.

Тот вздохнул с облегчением, уверенно сказал:

– Вот видите!

– Ну и что, – пожал плечами Петр, хотя скорость движения светлоглазого Ганса вызвала непонятное беспокойство. – В цирке я и не такое видывал!

– Вряд ли, – покачал головой Виллигут. – Поймать брошенный со столь малого расстояния нож не под силу человеку, а вот сверхчеловеку – вполне.

– Вы так думаете? – изумился разведчик, хотя в этот момент совсем не к месту явились воспоминания: легкость, с которой солдат в подвале держал Радлова, рассказ Михайлина о сверхъестественной скорости нападавших. – Это он-то?

– Да, он, – кивнул нацист, в голосе его прорезались истерично-торжественные нотки. – И сотни подобных ему. С такими солдатами нам не страшны несметные орды, пришедшие с востока, и те, что приплыли из-за моря. Германские солдаты сбросят иго чужеземцев над Фатерландом. А потом арийская раса получит полагающееся ей по праву превосходство над прочими!

– Ну да, ну да, – скептически сказал Петр, хотя внутри все сжималось. Что, если придется столкнуться в бою с целой армией столь быстрых воинов, как Ганс? Шансы победить представлялись весьма малыми...

– И у вас, Петер Радлюфф, – Виллигут сделал ударение на имени, – есть шанс избежать участи недочеловеков, что будут либо уничтожены, либо порабощены! Вы имеете чудную возможность оказаться среди победителей, среди тех, кто будет править народами! Вы сами сможете стать сверхчеловеком, получить необычные способности, силу, ловкость, скорость, ум!

– И что я для этого должен сделать? – с кислой миной спросил разведчик. – Всего лишь предать тех, с кем воевал все эти годы? Плюнуть в лицо Родине, которая меня вырастила и воспитала? Встать под одно знамя с теми, кто убил множество советских людей, кто построил концентрационные лагеря? Никогда!

– Как жаль, что вы не понимаете, – на лице бригаденфюрера отразилась искренняя досада. – Что же, мы что-нибудь придумаем, чтобы пробудить вашу родовую память.

– И не старайтесь, – сказал Петр презрительно. – Я не верю в эту самую память.

– Ничего страшного, – офицер СС встал. – Вы просто не знаете наших методов и всей мощи тех сил, которыми повелевают в этом замке. Что же, отдыхайте. Если что понадобится – обращайтесь к часовому у дверей, вашу просьбу передадут мне.

Капитан ничего не ответил. Молча смотрел на то, как Виллигут покинул помещение. Вслед за ним вышли и солдаты. В наступившей тишине вновь стал слышен негромкий плеск дунайских волн.

Глава 4

*Сверхчеловек – смысл земли.
Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом
земли!*
Фридрих Ницше, 1881

*Нижняя Австрия, контрольный пункт
Советской Армии на дороге Линц – Вена.
26 июля 1945 года, 18:53–19:19*

Они должны были опробовать в бою новое оружие.

И этим оружием были они сами, а точнее, их новые, совершенные тела, вместилища духа арийского сверхчеловека.

Оперативная группа «А» имела приказ добраться до самой Вены. Но по пути – уничтожить контрольно-пропускной пункт, тот самый, к которому выехал раненый американец на джипе.

Подобраться к посту незаметно не удалось. Скучавший у шлагбаума солдат, конечно, погиб, но за мгновение до смерти успел вскинуть автомат и дать неприцельную очередь по кустам, в которых заметил подозрительное движение. Приказ стрелять без предупреждения поступил час назад, и рядовой действовал в полном соответствии с ним.

Ему это мало помогло, а вот его товарищам – изрядно.

Когда оперативная группа пошла в атаку на пост, ее встретили плотным огнем из окон. Конечно, опешившие от подвижности мишеней русские практически не попадали, но план молниеносного нападения все же был сорван.

Атака не была совсем неожиданной, только уж больно стремительной. Пока солдаты отстреливались, лейтенант Кучко со связистом пытались наладить связь с Веной.

– Говорит Кучко! – орал лейтенант, вкладывая всю силу голоса в то, чтобы его услышали и поняли. О том, что он сам, скорее всего, обречен, он старался не думать.

– Слышим вас, – отозвалась черная мембрана рации. – Что там?

– Нас атакуют, атакуют! – крикнул Кучко, и тут же что-то с грохотом упало на пол позади лейтенанта.

Рефлексы опытного солдата сработали мгновенно. Командир поста метнулся за низкую тумбу, на которой стояла рация, обхватил голову руками. Рядом с лейтенантом согнулся вопрошающим знаком связист.

Раздался взрыв. Осколки с чавканьем впились в стены, кто-то застонал.

Кучко выскочил из укрытия и нос к носу столкнулся с эсэсовцем. Не раздумывая, врезал ему кулаком в подбородок. К собственному удивлению, промазал. Рука ахнула в пустоту, по ушам ударил стрекочущий звук, и в низу живота стало отчего-то горячо...

– Вот тебе и раз! – рядовой пошевелил рукой, сморщился.

Пистолетная пуля, выпущенная русским солдатом, повредила плечо. А увернуться помешал другой русский, офицер, бесстрашно бросившийся на немца с голыми руками.

– Еще легко отделались, – буркнул сапер-роттенфюрер²⁶. – Я дрался с этими русскими начиная с сорок первого, и они всегда сопротивлялись до последнего.

²⁶ Младший сержант.

– Вечно ты каркаешь, Вильгельм, – сурово сказал гауптштурмфюрер Гаске, командир группы «А». – Теперь мы совсем другие. Рану перевязали? Тогда вперед.

Бесшумно, словно тени, эсэсовцы исчезли в зарослях. Здание поста осталось стоять сиротливое, с выбитыми стеклами и оспинами от автоматных очередей. От него явственно тянуло гарью.

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

26 июля 1945 года, 19:23–20:00

Жертва кровью была принесена, и поток силы, идущий от Господ Земли, ощутили все арманы.

Вот только Хильшер почему-то никак не начинал говорить о делах. Сидел мрачный, насупленный, словно филин после неудачной охоты. Прочие арманы не дерзали нарушить молчание, даже доктор Хирт сдерживал бойкий язык.

– Ладно, – проговорил наконец Хильшер и бросил пронзительный взгляд на Виллигута. – Что у вас, Карл?

– Один из пленных, захваченных вчера на венской дороге, оказался чистокровным арийцем. – Виллигут излагал факты четко и лаконично, хотя чувствовалось, что удержаться от привычных напыщенных оборотов ему нелегко. – Кроме того, в результате спонтанного ясно-видения появилась информация, что в одном из предыдущих воплощений этот человек был королем Аларихом.

– Тем самым, который разграбил Рим? – перебил соседа фон Либенфельс. Брови его изумленно поднялись.

– Именно, – кивнул Виллигут. – В настоящий момент пленник содержится отдельно, в достаточно хороших условиях, но под охраной. Еврейско-марксистское мировоззрение пустило в него корни слишком крепко, и на предложение присоединиться к нам он ответил отказом.

– Все понятно, спасибо, – кивнул Хильшер. – Кто еще видел этого пленника?

– Я, – звучный баритон Хирта раскатился по темному помещению. Язычки свечей пугливо вздрогнули. – И поначалу решил, что блуттер сломан. Но затем, приглядевшись, определил, что череп его совершенно арийский.

– Учитывая ваш опыт, трудно подозревать ошибку, – Хильшер обвел собравшихся тяжелым взглядом. – Так что арийское происхождение пленника установлено. Но что с того? Таких, как он, у нас и так много. А вот тот факт, что он, возможно, является инкарнацией великого германского вождя, очень интересен.

– Что значит – возможно? – спросил Виллигут, и голос его звенел от напряжения. – Вы не верите моему Видению?

Дар заглядывать в прошлое передавался в роду Карла из поколения в поколение, и у него самого проявился в зрелом возрасте, после Первой мировой.

– Никто не сомневается в ваших способностях, товарищ, – вмешался в разговор фон Либенфельс. – Но любая информация, полученная таким путем, требует подтверждения.

– Что же, проверяйте, – скрипнул зубами Виллигут.

– Прямо сейчас, – уверенно кивнул Хильшер. – Я думаю, Ганс и Феликс этим займутся. А мы не будем им мешать.

Двое бывших членов общества «Туле»²⁷, Феликс Дан и Ганс Бюнге, одновременно поднялись.

²⁷ Окультиная организация, в которой в двадцатые годы состояли Гитлер, Розенберг и Гесс. Именно в ней были выработаны многие идеологические концепции нацизма.

Дан взял свечу и направился к небольшому столику в углу помещения. На нем при приближении источника света заблестел хрустальный шар размером с кулак. Бюнге шагнул на открытое пространство, где раскинул руки в стороны и принялся крутиться, все быстрее и быстрее, монотонно напевая себе под нос что-то похожее на молитву.

Дан поставил свечу сбоку от шара и устался в его радужные глубины. Бормотание Бюнге стихло, но вращался он с такой скоростью, что казалось – еще мгновение – и взлетит. Но равновесия непостижимым образом не терял. Вокруг него шипел полосуемый ладонями воздух.

Остальные арманы сидели молча, неподвижные, словно глыбы льда.

Первым закончил Бюнге. Со сдавленным хрипом он рухнул-таки на пол, но почти сразу встал. Лицо его было перекошенное, покрасневшее. Только с помощью Беккера арман смог добраться до своего места.

В тот момент, когда под телом Бюнге скрипнул стул, Дан оторвал взгляд от шара. Лицо его за те минуты, что он смотрел в хрустальную сферу, словно похудело, а глаза – ввалились.

– Что скажете? – спросил Хильшер, когда визионеры немного оправились.

– Правда, – кивнул Бюнге. По его широкому лицу тек пот. – Голос, что никогда не ошибается, сказал мне, что наш пленник – это Аларих.

– Правда, – в тон товарищу продолжил Дан. – Я видел миг появления на свет вождя вестготов, а затем – момент рождения этого русского где-то на Волге. Это одна душа.

– Хорошо, – Хильшер на несколько мгновений задумался. – Теперь осталось решить, как пробудить родовую память, чтобы из русского офицера, зараженного марксизмом, вытащить носителя германской власти. Какие будут соображения?

– Вариантов немного, – задумчиво проговорил Виллигут. – Провести его через все наши ритуалы. Арийская магия поможет ему вспомнить себя.

– А если нет? – скептически хмыкнул Хирт.

– Тогда – только Посвящение, – твердо сказал Виллигут. – Хотя прибегать к нему мне не хотелось бы. Так что оставим его на крайний случай.

– Ладно, эта проблема закрыта, – кивнул Хильшер. – Теперь вопрос к вам, Йорг, – когда будет готова сыворотка?

– Все необходимые ритуалы проведены, – фон Либенфельс подобрался. – К трем-четырем утра будет изготовлено около двух сотен порций.

– Что-то медленно, – проворчал Виллигут.

– Мы работаем с максимальной скоростью! – Глаза фон Либенфельса сверкнули, в голосе зазвучали гневные нотки. – И пора бы вам, товарищ Карл, научиться уважать чужой труд.

– Да я... – начал было Виллигут, но его прервали.

– Тихо! – сказал Хильшер негромко, но так, что спорщики смолкли. – Не время сейчас предаваться раздорам. Если даже лучшие из арийцев будут ссориться, как бабы на рынке, то наша раса точно обречена на вымирание.

Во взглядах, которыми обменялись арманы, было мало дружелюбия.

Нижняя Австрия, город Вена,

Венский аэродром.

27 июля 1945 года, 4:07 – 5:45

Они возникли из ночи, бесшумные, словно кошачьи шаги, и быстрые, как ветер. Охрана аэропорта, не готовая к встрече с таким противником, оказалась уничтожена в считанные мгновения.

Нападавшие орудовали исключительно холодным оружием и не производили шума. Тихо и планомерно они перебили всех, кто мог им помешать, и тогда настало время для больших тьюков, которые оперативная группа «А» тащила почти восемьдесят километров.

Некоторое время на летном поле и в ангарах наблюдалась целенаправленная активность. Затем она как-то сразу стихла, сменившись тишиной и покоем. Фигуры, пришедшие из тьмы, растворились в предутреннем сумраке.

А затем рвануло.

Столбы пыли ударили к светло-голубым, словно недокрашенным, небесам. Град из кусков бетона заколотил по строениям аэродрома, будто каменный подарок неожиданно проснувшегося в сердце Европы вулкана. Гулкий, тяжелый грохот раскатился над холмами и донесся до самой Вены.

За первым последовала серия более слабых взрывов. Если сначала были изуродованы взлетно-посадочные полосы, то вторая серия – полностью уничтожила находившиеся на аэродроме самолеты. Корчились в огне, умирая, истребители «Як-3» и страшные для врагов «летающие танки» «Ил-2». Клубы черного дыма поднялись над аэродромом, неся запах едкой гари.

Штирия, город Грац, аэродром.

27 июля 1945 года, 4:23 – 6:01

Английские войска появились в Австрии совсем недавно. Лишь после раздела страны на оккупационные зоны, произошедшего девятого июля, когда Великобритания получила Каритнию, Штирию и Южный Тироль. И аэродром в Граце стал главной базой Королевских военно-воздушных сил.

Сейчас на аэродроме рядом стояли бомбардировщики «Ланкастер» и «Стирлинг», штурмовики «Тайфун» и десантные самолеты «Албемарл». Англичане сосредоточили здесь настолько большие силы, что закрадывалось подозрение, что они готовятся к масштабным воздушным боям.

Вот только с кем?

Но с земли аэродром оказался защищен довольно плохо, если не сказать – разгильдяйски. Оперативная группа «С» легко обезвредила охрану и проникла на территорию аэродрома.

Авиационные бомбы, аккуратно приготовленные англичанами к использованию, послужили немецким саперам в качестве дополнительной взрывчатки. В результате почти часовой работы и последовавших за ней взрывов аэропорт оказался надолго выведен из строя.

Ударной волной были выбиты окна в ближайших зданиях, а примчавшиеся на место катастрофы войска не обнаружили никаких следов диверсантов.

Штирия, город Грац,

штаб военной администрации

английского сектора.

27 июля 1945 года, 8:15 – 9:33

Экстренное совещание по поводу нападения на аэродром было назначено на восемь часов. Но вытащить сонных чиновников и офицеров из кроватей оказалось делом нелегким, и собралась она с пятнадцатиминутным опозданием.

Но не успел генерал Локхард, командующий Королевскими вооруженными силами в Австрии, сказать хотя бы словечко, как из коридора донеслась стрельба. Спустя мгновение в помещение ворвались вооруженные люди в гражданской одежде.

Штурмовые винтовки в руках нападавших с грохотом изрыгнули пули, зазвучали стоны и крики. Спустя пять минут все стихло. А налетчики покинули здание, проложив дорогу сквозь строй растерявшейся охраны.

Как выяснилось позже, убийцы проникли в здание ранним утром через крышу, непостижимым образом забравшись на высоту трех этажей. С тем, что удалось застать в одном месте практически всю военную администрацию, им крупно повезло. В один миг английская

зона оккупации оказалась обезглавлена. Из бывших в кабинете большинство погибли сразу. Остальные скончались в тот же день – от тяжелых и многочисленных ран.

Оперативная группа «D» на сто процентов выполнила поставленную в Шаунберге задачу, в очередной раз доказав преимущество новой, высшей расы над обычными людьми.

*Нижняя Австрия, город Вена,
военная комендатура Советской Армии.
27 июля 1945 года, 8:23 – 9:15*

Сержант Усов лежал в коридоре комендатуры за укрытием, сооруженным из письменного стола.

Предмет мебели, сделанный из плотного дерева, несколько раз спас сержанту жизнь, приняв на себя удары пуль. Хорошо, что противник не имел времени прицеливаться. Та дверь, за которой он засел, хорошо простреливалась с двух точек, и только это спасало от огня неизвестно откуда взявшихся налетчиков. Когда дверь приоткрывалась, то либо Усов, либо кто-то с другой огневой позиции успевали дать очередь по двери, мешая врагу.

Чужаков в здании комендатуры обнаружили случайно.

Переводчик Зацек, страдавший бессонницей и, как всегда, пришедший на службу в семь утра, заметил в одном из коридоров промелькнувшую фигуру. Поднял тревогу, а по прибывшему на место караулу был открыт огонь.

Караульные почти все погибли, но поднятые по тревоге части гарнизона уже окружили здание.

Вот уж не думал сержант Усов, начинавший войну партизаном в брянских лесах, что в Вене, освобожденной от фашистов, ему придется братья за оружие, и не просто братья – а серьезно воевать.

Из комнаты справа от Усова доносились стоны – там умирал заместитель коменданта, генерал-майор Николай Григорьевич Травников. Случайная пуля пробила ему живот. Вообще, налетчиков, судя по всему, было не так много, но стреляли они почти без промаха.

Пахло в коридоре пороховым дымом. На полу, на самых подступах к двери, лежало несколько тел – результат первой, скверно подготовленной попытки уничтожить чужаков. Обошлась она дорого – пятеро убитых и трое раненых. Когда взгляд Усова падал на трупы, то сержант скрипел зубами, ощущая стыд и бессильную ярость. Ну а то, что вооруженные люди сумели проникнуть в охраняемое здание и уже почти полчаса успешно отбивали все атаки, внушало некоторые опасения.

За спиной бывшего партизана, за углом, находились полтора десятка автоматчиков. Они ждали приказ к атаке.

Сержант ругнулся сквозь зубы, вспомнив такую-то мать, и в этот момент засевшие в подсобном помещении налетчики пошли на прорыв. Дверь хлопнула, коридор перед Усовым оказался полон стремительно двигавшихся фигур.

Он не успел ничего подумать, а указательный палец его пришел в движение, привычно дернув спусковой крючок. Треск очереди потонул в грохоте боя. Один из бежавших по коридору упал. Но не успел сержант порадоваться, как ощутил удар по затылку. До гаснущего слуха донесся гулкий хлопок...

Более он не видел и не слышал ничего.

Комендант Благодатов отдавал последние приказания перед штурмом, когда сверху, со второго этажа, раздались крики и выстрелы.

– Они прорываются, прорываются! – гаркнул кто-то, а бой переместился на лестницу и приближался к месту дислокации коменданта.

– Занять позиции! – успел скомандовать генерал-лейтенант, прежде чем чужаки появились в поле зрения.

Патроны у диверсантов, судя по всему, были на исходе, поскольку штурмовые винтовки «Штурмгевер» в их руках плевались только одиночными выстрелами, но даже этого было достаточно.

Прежде чем советские солдаты успели открыть огонь, двое из них упали. Чужаки, которых оказалось всего трое, преодолели почти половину пролета широкой парадной лестницы.

Но тут на них обрушился мощный шквал огня. Кувыряясь, полетели гранаты.

Благодатов видел, как череп одного из немцев превратился под ударами пуль в жуткое месиво. Но человек, вернее, то, что от него осталось, некоторое время продолжало двигаться по инерции. На ступени рухнуло мертвое тело, дергаясь в агонии и заливая зеленую ковровую дорожку багровой жидкостью.

Другие двое, к удивлению генерал-лейтенанта, прорвались сквозь огневой заслон и гранатные взрывы. Двигаясь так быстро, что иногда глаз не успевал отследить движение, они промчались через помещение.

Еще одного достали у самой двери. Выгнувшись дугой, тело ударилось о стену и сползло на пол, оставляя на обоях кровавый след. Последний из чужаков сумел выскочить на улицу. Но откуда-то со второго этажа хлопнул выстрел, а затем донеслись радостные возгласы.

Странное нападение было отбито.

Когда коменданту доложили о результатах налета, он не поверил своим ушам.

– Что? – спросил он. – Сколько?

– Их было пятеро, – мрачно повторил майор, командир комендантского батальона. – И все убиты. Наших погибло тринадцать человек, пятнадцать ранено, а Николай Григорьевич, как говорят врачи, не доживет до вечера.

– Это невозможно! Бред! – убежденно сказал стоявший тут же полковник Перервин, заместитель коменданта по политической части. – Такие потери, и всего пятеро нападавших! А Травникова жаль...

– Не верю, – тихо проговорил генерал-лейтенант, и глаза его за круглыми стеклами очков стали на мгновение беспомощными. – Как такое могло случиться? Трупы обыскали?

– Так точно, – кивнул майор. – Никаких документов, как и следовало ожидать. Одежда гражданская, оружие немецкое, но его сейчас в Австрии полно. Только вот...

– Что? – спросил Перервин, с удивлением наблюдая за отразившейся на лице майора нерешительностью.

– Да тут странность есть в этих трупах, – проговорил командир комендантского батальона без всякой уверенности в голосе.

– Что за странности? – спросил комендант, но мысли его, судя по отсутствующему выражению на лице, были далеко.

– В теле того, которого свалили последним, нашли двадцать семь пулевых отверстий. Убило его, судя по всему, прямое попадание в голову, а раны в грудь и живот не мешали немцу, как вы видели сами, двигаться очень быстро.

– Ничего себе! – покачал головой полковник, а Благодатов очнулся от размышлений. Лицо его мгновенно отвердело, стало до озноба серьезным.

– Ну-ка, пойдем, – сказал он решительно. – Я сам посмотрю, с кем мы воевали.

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

27 июля 1945 года, 9:15–10:07

Проснулся Петр оттого, что его трясли за плечо. Он открыл глаза и в то же мгновение пожалел об этом: около кровати стоял бригаденфюрер Виллигут. За его спиной виднелись двое солдат.

– Вставайте, Петер, – сказал Виллигут. – Да побыстрее, а то опоздаем.

– Куда? – Петр вылез из кровати и обнаружил, что его одежду, неосмотрительно снятую на ночь, унесли.

На стуле лежала все та же белая эсэсовская форма.

– На утренний ритуал, – ответил бригаденфюрер. – Не пойдете самостоятельно, мы доставим вас силой. Лучше делайте все сами – так будет проще.

Морщась от отвращения, Петр натянул форму, оказавшуюся точно по размеру. Затем в сопровождении Виллигута и солдат покинул комнату. Последовал спуск на два этажа, затем короткий отрезок пути по двору.

Ярко светило солнце, обещая очередной жаркий день, бегали группы деловитых солдат в форме СС. За стенами замка, у ворот, рычали грузовики. Пахло бензином и теплым камнем.

В центральное строение замка их пустили через парадную дверь. Двое часовых козырнули Виллигуту, и открылась прохлада огромного полутемного зала. Здесь стоял резкий, смутно знакомый аромат. Только приняхавшись, Петр понял, что пахнет ладаном, словно в церкви. А иные ассоциации, кроме неприятных, вызвать у комсомольца и атеиста Радлова запах поповских курений не мог.

Сопровождавшие солдаты остались снаружи, а Петр, ведомый Виллигутом, оказался среди небольшой группы людей. Из знакомых тут были Ульрих, что наблюдал за пытками, и Август, чей приход прервал их.

– Вы даже не опоздали, – с мягкой улыбкой проговорил пожилой, выбритый наголо мужчина, чьи глаза, казалось, светились в полумраке. Одет он был просто, в гражданское, но чувствовалось, что именно он здесь главный, а не кто-либо из офицеров СС.

– Тогда, может быть, начнем? – спросил один из эсэсовцев, со знаками отличия обергруппенфюрера²⁸.

– Конечно, – кивнул мужчина со светившимися глазами.

Деятеро немцев двинулись к невысокому помосту в дальней от двери части зала. Пол перед ним был застелен ковром, а на самом помосте находился каменный куб, чем-то напоминавший подставку. Сверху, как стол – скатертью, он был накрыт алой парчой, на которой тусклым золотом горели чудные символы.

Ковер, совершенно черный, оказался украшен серебряными свастиками. Каждый из немцев встал на колени на одну из них. Тот, что со светившимися глазами – ближе всех к возвышению, остальные – дальше. Петру по указке Виллигута тоже пришлось опуститься на довольно холодный пол.

Повиноваться было неприятно, но сопротивляться – глупо.

– Профессор Хильшер будет вести ритуал, обращенный к Господам Земли, – шепнул бригаденфюрер пленнику.

– К кому? – Петр изумленно взглянул на Виллигута.

– Потом объясню, – махнул тот рукой. – А сейчас – тихо.

Находившийся ближе всех к возвышению, судя по всему – тот самый, кого называли Хильшером, заговорил. Произносил слова он на неведомом Петру наречии, и постепенно они слились в песню, необычно мелодичную и притягательную. Она резонировала под сводами черепа, вибрацией отдавалась в мускулах. Заставляла сердце сбиваться с ритма, а легкие – забывать о том, что нужно вдохнуть...

²⁸ Генерал-полковник.

В один миг Петр непонятно почему облился вонючим потом. По телу прошла волна противной, холодной слабости. Капитан понял, или скорее почувствовал, что песня эта – призыв к кому-то, бесконечно далекому и могучему, неизмеримо превосходящему человека. Не просто призыв, а мольба о возвращении, о даровании чего-то, чему нет названия...

Песня оборвалась, и необычные ощущения исчезли, словно капля воды в костре. Петр глубоко вздохнул и потряс головой. Про себя выругался, думая, что странные переживания плохо совместимы с материалистическим мировоззрением, обязательным для каждого бойца Советской Армии.

Пока он приходил в себя, Хильшер вновь заговорил. Но на этот раз – на немецком, и слова его были просты и обыденны, как листья подорожника. В кратком призыве просил он Господ Земли даровать удачу арийским воинствам. С ужасом Петр понял, что выступает это самое воинство на Вену, и не далее как сегодня.

Когда молитва закончилась, Хильшер поднялся и отвесил кубическому камню поясной поклон. Вслед за ним встали и остальные, и каждый не пожалел спины перед покрытым алой скатертью булыжником.

Петр, повинуясь жестам Хильшера, тоже слегка поклонился, не отрывая глаз от камня. В этот миг ему показалось, что символы, вышитые на покрывале, шевелятся, как странные золотистые насекомые.

Из помещения Радлов выбрался в некотором потрясении.

– Вижу, что арийский дух начинает пробуждаться в вас, – радостно сказал Виллигут, снова оказавшийся рядом. За спиной его вновь маячили двое автоматчиков, напоминая о том, что капитан разведки находится в плену, а не в гостях.

– Вот уж не знаю, – хмыкнул Петр. – А что это за Господа Земли, которым вы... э-э-э, молитесь?

– Когда арийская кровь блистала чистотой, – торжественно сказал Виллигут, и лицо его стало отрешенным, – они жили среди нас и назывались богами. Мы сами их отдаленные потомки. Но настали времена разврата и порока, чистота крови была потеряна, сам Бальдр распят на кресте, и Господа Земли ушли. Но вновь настанет Золотой Век. Тогда они выйдут из своих убежищ, что скрыты глубоко под землей, и будут вновь править нами!

– А что за камень, которому кланялись? – продолжал Петр любопытствовать, поняв из вышесказанного, что недобитые эсэсовцы молятся каким-то странным богам, не похожим на христианского или мусульманского.

– Это пьедестал под Святой Грааль, – мечтательно вздохнул бригаденфюрер. – Он хранился в замке Вевельсбург²⁹, но зимой нам удалось его вывезти.

– Пьедестал подо что? – переспросил Петр.

– Под Святую Чашу, изготовленную самими богами. Из нее пили нибелунги, а последними ее хранителями были катары, – на лице Виллигута появилась удивленная усмешка. Он явно недоумевал, как собеседник может не знать столь простых вещей. – В извращенном еврейском мифе – это чаша, в которую была собрана кровь распятого Христа. А на самом деле – это священный символ, отвечающий психическим силам чистокровной арийской расы.

– А, понятно, – проговорил Петр без особого оптимизма.

Но бригаденфюрер счел уместным развить мысль:

– Отто Ран нашел Грааль еще в тридцатые годы, и сама чаша, скорее всего, попала в лапы Гиммлера. Вот только она не стала служить ему, а наградой Рану стала смерть. Счастье еще, что мне удалось заполнить хотя бы вот это.

²⁹ Главный замок ордена СС, его сакральный центр. Располагался в Вестфалии.

– А зачем тогда этот куб? – любопытствовал Петр, чувствуя странный интерес к идеям, излагаемым нацистом. Такой испытывает, наверное, психиатр к высказываниям наиболее «одаренных» своих пациентов.

– Хотя сама чаша нам и не доступна, – вполне натурально вздохнул Виллигут, – ее постамент обладает великой магической силой. Именно он позволяет нам связываться с Господами Земли и получать от них силу.

– И вы серьезно в это верите?

Бригаденфюрер хмыкнул:

– Как же иначе? Это вы живете с плотной повязкой еврейского марксизма и атеизма на глазах и поэтому не верите в то, что есть солнце на небе.

– Ну-ну, – Петр скривился, не скрывая пренебрежения. – Ваши бредни о каких-то богах и чашах совсем не похожи на солнце.

– Это не бредни, – Виллигут демонстрировал поразительное для безумца терпение. – Наши ритуалы действуют, мир под их влиянием меняется. На сотни километров кругом все, имеющие в жилах арийскую кровь, ощущают их влияние.

– Все равно не верю!

– Пока ваш дух не проснулся, бесполезно вас убеждать, – вздохнул Виллигут. – А сейчас вас проводят в комнату. Мне пора.

Последовал безукоризненно вежливый поклон, который Петр хмуро проигнорировал, и бригаденфюрер удалился. Пока пленника вели в отведенное ему помещение, он все гадал и никак не мог понять, чем вызвано столь хорошее к нему отношение?

Нижняя Австрия, город Вена,

военный комиссариат

Советской Армии по Австрии.

27 июля 1945 года, 10:55–11:08

– Как такое могло случиться? – Конев был сердит. Лицо его покраснело, а глаза метали молнии. Даже среди душного запаха городского лета, что доносился из окна, генерал-лейтенанту Благодатову чудился аромат грозы, а маршал напоминал самого Громовержца, грозного Зевса.

– Караульная служба организована по законам мирного времени, – четко ответил комендант Вены. Он только что доложил об утреннем налете на комендатуру и готов был выдержать маршальский гнев. – Перейти на усиленный режим мы планировали сегодня. Но не успели. Это, несомненно, моя вина. Но и предположить, что недобитые фашисты настолько осмелеют, не мог никто.

– Это вас не оправдывает, Алексей Васильевич! – резко сказал Конев.

– А я и не ищу оправданий, – твердо ответил генерал-лейтенант.

– Это хорошо, – маршал провел рукой по лицу, словно счищая невидимую паутину. – Но все остальное – плохо. И еще аэродром, и все за одну ночь!

– Да, это серьезный удар, – кивнул Благодатов. – По словам строителей, при нынешней нехватке стройматериалов и транспорта на восстановление взлетно-посадочных полос уйдет не меньше семи дней.

– Неделя, – покачал головой маршал. – Как много! Но есть новости и похуже. В английском секторе тоже подорвали аэродром, а, кроме того, истребили все военное руководство. Генерал Локхард погиб.

– Этот тот самый, что ославился еще в англо-бурской войне? – спросил генерал-лейтенант.

– О мертвых не стоит говорить плохо, – вздохнул Конев и сделал паузу. – Мы имеем дело с удивительно хорошо организованной акцией, которая почти удалась. Но с другой стороны, то,

что страдают и союзники, показывает, что происходящее – не провокация со стороны западных буржуазных правительств.

Дверь кабинета приоткрылась, заглянул секретарь – полный, розовощекий полковник.

– Товарищ маршал, там...

– Занят я! – рывкнул командующий Центральной группой войск. – Все позже!

Секретарь исчез, словно сдутый ураганом, но дверь затворил совершенно бесшумно.

– Тут еще, товарищ маршал, были некоторые странности, – сказал Благодатов нерешительно. – И они в некоторой степени объясняют большие потери...

– И какие же?

– Налетчики стреляли с удивительной меткостью, двигались со скоростью, превосходящей обычные человеческие возможности, и раны их не останавливали.

– Что же вы, Алексей Васильевич, сказки рассказываете? – Конев изобразил кривую усмешку.

– Я сам это видел, – твердо сказал комендант. – Кроме того, о чем-то подобном рассказывали танкисты, уцелевшие в Амштеттене.

– И как вы можете это объяснить?

– Вы знаете, что фашисты проводили чудовищные эксперименты в своих лагерях. – Благодатов снял очки и принялся протирать стекла извлеченным из кармана платком. – И, возможно, им удалось найти какое-либо химическое вещество, некий суперстимулятор...

– Да это же бред! – не выдержал Конев.

– А то, что мы спустя почти три месяца после капитуляции Германии подсчитываем потери – не бред? – Генерал-лейтенант вновь нацепил очки. В увеличенных стеклами серых глазах была тревога.

– Нечто очень похожее, – кивнул маршал. – Что же, ладно. Я вас жду у себя в двадцать ноль-ноль. Подготовьте соображения об усилении мер безопасности в городе. А теперь – можете идти.

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

27 июля 1945 года, 11:55–12:35

На этот раз Петра побеспокоили незадолго до полудня. Заставили надеть эсэсовскую форму и под конвоем препроводили в тот же зал, что и утром. У самого входа его встретил Виллигут, облаченный в белый балахон с алой свастикой на груди.

– Проходите, Петер, – сказал бригаденфюрер. – Вам предстоит знаменательное зрелище. Вы увидите ритуал Свастики.

Вслед за провожатым, своеобразным Вергилием эсэсовского ада, капитан проследовал к помосту с кубическим камнем. Рядом с возвышением обнаружился небольшой столик, уставленный горящими свечами. От него тек характерный запах нагретого воска.

– Стойте здесь, – указал Виллигут Петру на место рядом со столиком. – Отсюда будет хорошо видно.

Едва единственный зритель занял указанную позицию, как из глубин зала возникли еще восемь фигур в таких же балахонах, как и Виллигут, только с накинутыми капюшонами.

По одному они подходили к столу и брали по свече. Последним взял восковый столбик бригаденфюрер и после этого накинул капюшон тоже. На мгновение Петру показалось, что он очутился в глухом средневековом монастыре, в лапах мракобесов из инквизиции. Морок вызвал вполне осязаемое ощущение удушья, но, к счастью, быстро прошел.

Фигуры в белых балахонах тем временем выстроились, следуя какой-то схеме – один в центре и остальные восемь – попарно по сторонам. Не сразу Петр догадался, что такое построение должно символизировать свастику. Если бы кто посмотрел на немцев сверху, то из огненных точек свечей для него сложился бы угловатый паук нацистского креста.

Мгновение они стояли неподвижно, а затем зашевелились. Тот, кто стоял в центре, был неподвижен, остальные же с небывалой четкостью, как солдаты на параде, менялись местами по кругу.

Поначалу это происходило в полной тишине, затем из-под капюшонов донеслось слаженное пение. Монотонные звуки и равномерное движение, от которого Петр не мог оторвать взгляд, действовали на него гипнотически. Мелькавшие огни свечей слились в единый поток. Показалось, что в громадном полутемном зале действительно вращается пламенная свастика...

В один миг захотелось присоединиться, самому войти в завораживающий ритм кружения. Подавить это желание Петр смог только немалым усилием воли. А огненный крест продолжал крутиться, и пение становилось все тише и тише.

Когда оно смолкло, фигуры в белых балахонах застыли, и свечи в их руках потухли одновременно, словно электрические лампочки, управляемые с одного выключателя. Стало тихо и как-то мертво.

Виллигут подошел, стянул с головы капюшон. Улыбка на его лице была усталая, на лбу блестели капельки пота.

– Ну, как? – спросил он, внимательно глядя на Петра.

– Что – как? – довольно невежливо ответил Радлов. – Очередное бессмысленное представление.

– Почему же? – бригаденфюрер с укоризной посмотрел на собеседника. – Если вы пока не можете осознать его смысл, это совсем не значит, что его нет. Ведь так?

– Наверное, – равнодушно пожал плечами разведчик. – Но я и не собираюсь разбираться, зачем нужны все эти глупости. Вы только зря тратите время.

– Я так не думаю. – Виллигут на миг отвлекся, словно прислушался к какому-то тихому звуку. – Подождите, я сейчас подойду.

Широко и торопливо шагая, он ушел в том же направлении, куда скрылись прочие участники ритуала, и Петр остался один в тишине и темноте. Возникла мысль о побеге, но капитан отогнал ее, справедливо рассудив, что выйти через главный вход ему не дадут, а прочих он и не знает...

Виллигут вернулся, но без дурацкого балахона, в обычной эсэсовской форме.

– Что же, пойдемте, – сказал он. – Я покажу вам кое-что, что способно опровергнуть ваше упорное неверие в могущество арийских ритуалов.

Во дворе замка было жарко. Лучи горячего, почти африканского солнца отражались от каменных стен, создавая своеобразную парилку. Высоко в небесах трещал жаворонок, но в ослепительном сиянии, льющемся сверху, он оставался невидимым.

У распахнутых замковых ворот обнаружили двое эсэсовских офицеров, а рядом с ними – Хильшер. Виллигут неожиданно направился к этой троице, и Петру, конвоируемому двумя солдатами, ничего не оставалось, как следовать за ним.

– О всех успехах и неудачах извещайте нас незамедлительно, Хельмут, – говорил Хильшер старшему из офицеров, носившему погоны бригаденфюрера.

– Не сомневайтесь, – холодно кивнул тот, – что новости будут только хорошие. К сегодняшнему вечеру мы возьмем Санкт-Пельтен, вне всяких сомнений. К завтрашнему – Вену.

Петра обдало морозом посреди жаркого дня. Безумный замысел, лелеемый немцами, состоял в нападении на столицу Австрии. Пораженный, Радлов на некоторое время отвлекся и пропустил несколько фраз.

Когда пришел в себя, говорил уже Виллигут:

– Надеюсь, что офицер, которого вы оставляете для обеспечения безопасности Шаунберга, справится с этой задачей, герр Беккер.

– Не сомневайтесь, – ответил тот без улыбки. – Штандартенфюрер Курт Янкер, – при этих словах младший из офицеров вытянулся и щелкнул каблуками, – очень хороший офицер. Он прошел Посвящение одним из первых, а в операции по освобождению наших пленных показал себя с лучшей стороны.

Штандартенфюрер невольно привлек взгляд Петра. Высокий, атлетично сложенный, с совершенно правильными чертами лица, из всех, встреченных в замке, он в наибольшей степени походил на «белокурую бестию». Ганс, сумевший поймать нож на лету, выглядел рядом с Янкером убого.

– Что же, успеха, – сказал Хильшер.

Беккер козырнул и быстрым шагом направился к воротам, через которые был виден «Виллис».

Виллигут тяжело вздохнул и повернулся к Петру:

– Что же, пойдёмте, – сказал он.

– Куда, позвольте спросить?

– В самое сердце Шаунберга! – со значением ответил бригаденфюрер. – К месту рождения сверхчеловека.

Глава 5

...всеми моими помыслами, действиями и жизнью руководили только любовь и преданность моему народу. Они дали мне силу принимать самые трудные решения, которые когда-либо выпадали на долю смертного.

Адольф Гитлер, 1945

Верхняя Австрия, замок Шаунберг.

27 июля 1945 года, 12:42–13:35

К удивлению Петра, Виллигут двинулся к тому же левому крылу, через которое в свое время вели пленников в подземелье.

Последовал извилистый путь по коридорам, и бригаденфюрер вывел небольшую группу к глухому, как казалось, тупику. В нише, которой заканчивался коридор, стояли старинные рыцарские доспехи. Металл маслянисто блестел в свете ламп, и казалось, что на невысоком постаменте – не пустая железная оболочка, а необычное существо. Меч рыцаря выглядел подозрительно острым.

Но Виллигут не проявил к средневековому воину никакого почтения. Он запросто подошел к нему и дернул за металлическую перчатку. Раздался далекий скрежет, и одна из стен ниши ушла в сторону, обнажив узкий проход. За ним обнаружились дверцы обычного лифта.

– А я все думал, как же вы все сумели укрыться от американцев, – пробормотал Петр, вслед за провожатым протискиваясь в довольно тесную кабинку, где сильно пахло резиной.

– Тут подземелий, как червяков в гнилом яблоке, – кивнул бригаденфюрер. – Еще со времен Австрийской марки остались. Фон Либенфельс приобрел замок в девятьсот седьмом, так что время обустроить секретные этажи было.

– И что, оккупационные власти ничего не заподозрили? – спросил Петр.

– Нет, – Виллигут нажал какую-то кнопку, и лифт с легким скрежетом поехал вниз. – Хозяин замка никогда официально не состоял в СС и НСДАП, и съезжались все нынешние обитатели Шаунберга к нему тайком. Я – после опалы в тридцать девятом, Хильшер, Ганс Бюнге и Феликс Дан – еще раньше. Риск раскрытия существовал лишь весной, когда янки подошли совсем близко, а надо было принять почти сотню человек. Но мы справились. А запасы продовольствия и всего остального создавались здесь годами, еще со времен Австро-Венгрии.

– Да уж, – мрачно кивнул разведчик.

Лифт остановился, и один из охранников принялся открывать дверцы.

В широком коридоре, где они очутились, было довольно прохладно. Это после жары наверху оказалось даже приятно. Освещение давали лампы, подвешенные к потолку через каждые пять метров.

Виллигут жестом приказал солдатам оставаться у лифта, и далее они шли вдвоем. В стенах время от времени встречались двери, одинаковые, как иголки на сосне. Было тихо, слышался только шорох шагов. Коридор вскоре свернул, и путь загородила решетка из толстых железных прутьев.

Бригаденфюрер, не сбавляя шага, ткнул рукой куда-то в стену, и преграда бесшумно отошла в сторону. Сразу после нее стал слышен легкий шум, словно от проходящего где-то далеко митинга.

Лампы с потолка исчезли, но слабый свет, струившийся спереди, помогал двигаться уверенно. Коридор вновь повернул, и стены, словно в испуге, отскочили в стороны. Вслед за Виллигутом Петр вынужден был остановиться.

Зал был не столь велик, но точные его размеры определить было трудно, так как стены терялись в полумраке. Мощные светильники, сверкание которых показалось Радлову болезненно ярким, висели только над центральным проходом. По сторонам от него все было заставлено койками. Меж ними ходили люди в белых халатах, и со всех сторон несли шум – невнятные стоны, хрипы, ругательства. Время от времени долетали выкрики, полные боли, ярости или страха. В нос лез запах пота, точно они очутились в спортзале.

Привыкнув к освещению, Петр разглядел, что почти все койки заняты, и понял, что лежавшие на них люди служат источником шума.

– Здесь рождается сверхчеловек, – с благоговением в голосе прошептал Виллигут.

– Не самое симпатичное место, – с кислой миной заметил Петр.

– Не в этом дело, – отмахнулся бригаденфюрер и медленно пошел вперед. – В дальнейшем этот процесс будет проходить в прекрасных дворцах, а пока мы вынуждены прятаться под землю. И разве это не чудо, когда из обычного человеческого существа формируется новое, много лучшее?

– И каким образом это происходит? – Петр шагал вслед за провожатым, нервно оглядываясь. Подземный зал и обилие людей внушали ему страх. Словно в один миг оказался в каменном веке, а навстречу сейчас выскочит питекантроп с топором...

– Все дело в сыворотке, – охотно ответил бригаденфюрер, останавливаясь. – Состав ее знаю я, Хильшер, Хирт, ну и еще фон Либенфельс. Сыворотку вводят посредством шприца, и в течение примерно часа происходит трансформация. Человек мечется в бреду, ощущает чудовищную боль и при этом перестает быть человеком. Кости, мускулы и нервы его перестраиваются, обретая новые, необычные свойства. Если волосы его темны – то светлеют, если глаза карие – приобретают благородный нордический цвет. По истечении шестидесяти минут появляется новое существо, вершина арийской расы – сверхчеловек!

– А при чем тут арийская раса? – на одной из коек рядом кого-то вырвало прямо на пол. Волна кислой вони покатилась по помещению, и Петр невольно скривился. – Ведь если ввести сыворотку азиату или негру, ничего не изменится.

– Совсем не так. – Виллигут закончил осматривать помещение и повернулся к собеседнику. Глаза его почти светились, а лицо было торжественным. – Если в человеке меньше двух третей арийской крови, сыворотка попросту убьет его. Агония будет долгой и мучительной, а в результате – не блистающий сверхчеловек, а смердящий труп. Это было доказано почти сразу после создания сыворотки. Хирт тогда экспериментировал, вводя ее евреям и прочим недочеловекам.

– Тогда всегда есть вероятность ввести сыворотку не тому.

– Конечно, – кивнул бригаденфюрер. – Но для того, чтобы этого избежать, у нас есть блуттеры.

– Почему же вы не применили сыворотку ранее? – Петр похолодел, представив, что было бы, появившись сверхчеловеки среди солдат СС году эдак в сорок втором, когда воевать приходилось на Волге и в пригородах Ленинграда.

– Исследования велись за счет собственных средств частными лицами, в основном опальными для властей Рейха, – Виллигут помрачнел, в словах его звучало разочарование. – И двигались медленно. «Аненэрбе» нам почти не помогало и в то же время тратило огромные деньги на всякую ерунду. Отдел арийской космогонии организовал десятки экспедиций, послал Эдмунда Кисса в Абиссинию, множество отрядов – на Тибет, группу солдат за каким-то камнем в Сахару – и что толку? На проверку гипотезы полой земли выделили лучшие радары, а нам пожалели какую-то сотню евреев из концлагеря! Работая в условиях нехватки ресурсов, мы смогли создать сыворотку только в марте. Но и тогда фюрер в нее не поверил. Если бы мы успели раньше, война пошла бы по-другому.

– Наверное, – Петр нервно сглотнул. Невозможная, абсурдная с точки зрения материалистической науки идея обретала реальность, в прямом смысле слова получала плоть. – И все время после поражения вы готовились к реваншу?

– Да, – бригаденфюрер кивнул, на лице его просияла злобная радость. – В замке было спрятано около сотни солдат и офицеров СС, и многие из них стали первыми сверхлюдьми. А с оружием и боеприпасами нам помогли американцы, что собирали и складировали трофейную военную технику. За что и поплатились!

К беседующим приблизился один из людей в белых халатах, спросил:

– Что угодно, герр Виллигут?

– Ничего, благодарю вас, доктор Хагер, – ответил бригаденфюрер. – Надеюсь, наше присутствие здесь никому не мешает?

– Нисколько, – доктор растянул тонкие губы в некоем подобии улыбки.

– Ах да, доктор, – бригаденфюрер словно вспомнил о чем-то очень важном. – Будьте добры, продемонстрируйте товарищу, как выглядит сыворотка.

На лице Хагера появилось изумленное выражение, но он послушно опустил руку в карман халата.

– Вот, – сказал он.

На широкой, костистой ладони лежала обыкновенная медицинская ампула. Внутри находилась бурая, похожая на кровь жидкость, в которой плавали золотистые крапинки.

– Да... – только и смог сказать Петр.

– Благодарю вас, доктор, – с улыбкой сказал Виллигут.

Хагер убрал ампулу и, степенно поклонившись, удалился в ту сторону, где в дальнем конце зала кого-то грузили на носилки.

– Куда это его? – спросил Петр.

– На Посвящение, – Виллигут вновь двинулся. – Сейчас вы увидите, что это такое.

Они пересекли зал и вслед за санитарями, несшими носилки, попали в очередной коридор, уводивший слегка влево. Стены здесь были бетонными, и сильно пахло сыростью.

Проход оказался коротким, шагов в десять, а за ним открылся зал гораздо меньших размеров. К удивлению Петра, он освещался свечами. Десятки разнообразных подсвечников были расставлены вдоль стен на тянувшемся по периметру уступе. От вони расплавленного стеарина было душно.

Это помещение занимал ряд каменных саркофагов. Крышку одного из них как раз с грохотом подняли и опустили внутрь человека, принесенного из большого зала. Каменная плита со скрежетом сдвинулась и закупорила отверстие.

– Зачем это? – поинтересовался Петр у Виллигута, взиравшего на саркофаги с радостным воодушевлением. – Он там не задохнется?

– Совсем нет, – ответил бригаденфюрер, и в голосе его прозвучали ласковые нотки, как у родителя, наблюдающего за играми родного детища. – После рождения сверхчеловеку надо очень мало кислорода. Того объема, что внутри саркофага, ему хватит на час. А рунная трансформация произойдет, самое большее, за полчаса.

– Какая трансформация?

– Рунная, – пояснил Виллигут. – Посмотрите на саркофаг, видите символы?

Поверхность каменных усыпальниц была усеяна глубокими царапинами, но Радлов изначально не придавал им значения, приняв за обычные трещины. Теперь же он пригляделся к ним с новым вниманием.

– И что это?

– Руны, – проговорил Виллигут выпрепно. – Магические знаки арийского народа, осколки древнего знания.

Петр фыркнул, но эсэсовец этого не заметил.

– С помощью рун наши арийские предки повелевали стихиями. Знание о них было утеряно, но Гвидо фон Лист³⁰ в начале века вернул нам сокровища предков. Вот смотрите, – бригаденфюрер потянул капитана за рукав к ближайшему саркофагу, и Радлову пришлось повиноваться, – это руна Дорн, – указанный символ представлял палку с приделанной к ней закорючкой, – обозначающая шип смерти, погружение в черное небытие предрождения. Потрогайте ее, она прямо кипит силой!

Камень оказался на удивление холодным, а края желобков, образовавших символ – острыми. Петр повозил пальцами по руне, но ничего особенного не ощутил. Только уколол руку.

А Виллигут уже описывал следующий знак:

– А это руна Ар, символ изначального огня, разрушающего тьму, и в то же время – ариев, избавляющих мир от грязи недочеловеческих рас.

– Хорошо, я проникся, – поспешно сказал Петр, поняв, что лекция может длиться не один час. Виллигут явно оседлал любимого конька и готов был мчаться на нем в туманные дали.

– Я несколько увлекся, – с усмешкой проговорил бригаденфюрер. – Но стоит также сказать, что сей зал называется Прибежищем Павлина, поскольку великолепное оперение этой птицы отображает бесконечные возможности созидательного преобразования.

– А первый зал?

– Он посвящен Черному Ворону, посланнику Грааля, символу судьбы.

Служители, положив только что принесенного в саркофаг, коротко посоветовались и, перейдя к другому каменному сооружению, принялись его открывать.

– Что, там кто-то созрел? – поинтересовался Петр, из последних сил пытаясь не верить происходящему.

– Хорошее слово, – одобрительно кивнул Виллигут. – Очень подходящее. Сейчас зародыш сверхчеловека понесут в Зал Лебедя, где происходит непосредственно Посвящение служению своей расе.

Недвижное тело погрузили на носилки, и Петр с провожатым последовали за носильщиками. Звуки шагов причудливо отражались от стен и порождали глухое многоголосое эхо.

Идти пришлось недолго. Коридор чуть расширился, превратился в длинный и узкий, словно кишка, зал. У самого входа стояли несколько носилок с «зародышами», готовыми к Посвящению, и очередные носилки добавились к своеобразной «очереди».

Здесь имелись свечи, и их было даже больше, чем в предыдущем зале. Но воздух оставался свежим, указывая на близкий выход на поверхность или на наличие хорошей вентиляции. Посередине зала, мешая узнать его размеры, висела плотная занавесь, из-за которой доносилось многоголосое бормотание.

– Что там происходит? – спросил Петр, в то время как служители проскользнули ему за спину и исчезли в том проходе, откуда ранее пришли.

– Арманы проводят Посвящение, – ответил Виллигут отстраненно. – В первые часы после «рождения» сознание сверхчеловека податливо, словно у ребенка, и он очень хорошо поддается обучению. Посвящение заключается в том, что в мозг закладываются основные принципы расовой арийской доктрины, моральный кодекс и правила поведения, в которые включается беспрекословное повиновение воле арманов. Как бы иначе мы держали этих парней в подчинении?

– Гипноз? – поинтересовался Петр, решив не обращать внимания на непонятное слово «арман». – А почему прошедших Посвящение не ведут нам навстречу?

³⁰ Австрийский оккультист, в начале двадцатого века создавший т. н. Арманический рунический строй, который впоследствии широко использовался в нацистской мистике.

– Их выводят наверх через специальный выход, – ответил бригаденфюрер. – По поводу гипноза могу сказать, что используется не только он, но еще кое-что из секретных арийских техник, которые я не могу описывать человеку, не являющемуся одним из нас.

– И не собирающемуся становиться! – с отвращением пробормотал Петр.

Занавес отдернулся, и из-за него вышел невысокий круглолицый человек. Лицо его блесло от пота, а в глазах жила непонятная ярость. Словно он злился на весь мир и только ждал момента, чтобы выплеснуть гнев на окружающих.

– А, это вы, Карл? – спросил человечек быстро, подходя к одним из носилок. – Прохлаждаетесь?

– Нет, Йорг, – ответил Виллигут спокойно. – Исполняю поручение, данное мне Фридрихом. Но скоро присоединюсь к вам.

– Поторопитесь, – проговорил круглолицый, наклоняясь и хлопая лежавший на носилках «зародыш» по щекам. – А то мы уже выбились из сил.

«Зародыш» словно пробудился ото сна. Взгляд, которым он обвел помещение, был совершенно пуст, словно у безумца, и капитан вздрогнул, встретив его. Повинуясь жестам Йорга, будущий сверхчеловек встал с носилок и покорно последовал за занавес.

– Нам пора назад, – проговорил бригаденфюрер Петру. – Пойдемте.

– Кто это был?

– Йорг Ланц фон Либенфельс, хозяин замка, – рассеянно ответил Виллигут.

Они миновали коридор, вступили в зал каменных гробов. Затем окунулись в душный аромат набитой рождающимися сверхчеловеками рукотворной пещеры. Всю дорогу Петр ощущал жуткую подавленность. Материалистическая картина мира, впитанная с детства, в школе, укрепленная в университете, готова была рухнуть под напором другой, безумной, но предъявляющей убедительные доказательства собственной правоты...

Воздух во дворе замка показался обжигающе горячим, но пришлось сделать несколько глотков, чтобы немного прийти в себя. Когда Петра привели в его комнату, впечатления несколько поблекли, и подземное путешествие казалось реальным до жути сном.

За эту спасительную мысль пленник и решил держаться.

Нижняя Австрия,

город Санкт-Пельтен.

27 июля 1945 года, 17:33–18:57

Бригаденфюрер Беккер слушал донесения подчиненных с непроницаемым лицом, но на душе его царила радость. Город был взят после получасового боя практически без потерь. Важный в стратегическом отношении пункт почти с сорока тысячами жителей захватили и водрузили над ним знамя Рейха.

Те, кто вздумал защищаться, оказались убиты. Правда, удивительным стало то, что в городе практически не было гарнизона. Мысль о том, что его, возможно, эвакуировали, не надеясь отстоять Санкт-Пельтен, слегка портила триумф бригаденфюрера, но он не давал ей особенно разгуляться.

Да и какая, собственно говоря, разница, где уничтожить противника?

– Хорошо, – кивнул Беккер, когда последний из офицеров закончил доклад. – Сейчас позаботьтесь о размещении вверенных вам подразделений на отдых. На Вену выступим под утро. И, кроме того, наверняка в городе остались наши люди. Попробуйте связаться с ними. Если найдете кого – сразу ко мне.

Для размещения самого Беккера выбрали здание магистрата в центре города.

Офицеры дружно рявкнули «Хайль!» и один за другим вышли. Проворный ординарец позаботился об ужине, и вскоре бригаденфюрер наслаждался свиными сосисками и хорошим пивом. Первый успех новой, победоносной войны стоило отметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.